

АЛФРЕДО ДИАС ГОМЕС

ВТОРЖЕНИЕ

ПЬЕСА В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ,
ШЕСТИ КАРТИНАХ

Перевод с португальского
ЮРИЯ КАЛУГИНА

Авенида Атлантика — очень длинная улица в Рио-де-Жанейро, в отличие от других улиц имеющая только одну сторону; ряд многоэтажных, ультрасовременных зданий — чаще всего это отели — только кое-где нарушается постройками старого типа, стилизованными под архитектуру колониальных времен. По другую сторону — песчаный пляж шириной в несколько десятков метров и пенная кромка вечного океанского прибоя. Авенида Атлантика — сияющий и гремющий, лазурный, розовый, золотой поток воздуха, солнца, зноя, океанской синевы, машин всевозможных марок и образцов и людей, людей, людей, всех цветов и оттенков кожи.

Во всякой уличной толпе обычно заметнее всего молодежь. На авениде Атлантика она была особенно заметна, потому что вела себя довольно необычно для нас, европейцев и северян. Стоял январь, и вся Бразилия — и молодежь, разумеется, в первую очередь — готовилась к карнавалу. Это любимый праздник бразильцев, можно сказать, водораздел года — время делится на то, что было до карнавала и после него. Четыре дня и четыре ночи — без перерыва! — длится народное гулянье. Блеснуть на карнавале — радость и гордость для молодых бразильцев, и они не жалеют для этого ни времени, ни усилий. По вечерам вы на каждом шагу встречаете группы молодых людей, репетирующих свои будущие номера. Сыгрываются оркестры, тренируются партнеры в танцах. Иногда для этого отгораживается веревкой кусок улицы, иногда толпа с музыкой и плясками шествует по мостовой, а раз мне довелось видеть такую репетицию даже в старом «бонде» — в трамвае без окон и дверей, на открытой со всех сторон платформе под крышей, — который, грохоча и дребезжа, мчался по Копакабана.

Меня восхищала беззаветная самоотдача, полная увлеченность каждого участника, каждого музыканта, каждого инструмента. Они на редкость отзывчивы на искусство, эти его молодые подвижники, они растворяются в нем, отдают ему без остатка, и за этим стоят огромные возможности, которые можно было бы с толком использовать.

И я задумывалась о том, чем будут заняты эти ребята, когда пройдет карнавал, какая общая задача будет собирать их вместе жаркими тропическими вечерами, чему будут они посвящать свой досуг, свои силы, свои таланты? Об этом мне хотелось прежде всего спросить моих бразильских говарищей: писателей, художников, музыкантов.

Задумываются ли они об этом, чувствуют ли, что, при всей внешней несоизмеримости, эта проблема стоит в ряду самых острых проблем в стране?

Что же думают по этому поводу мои бразильские товарищи? Наши зарубежные друзья не очень-то приняли бы столь прямой вопрос, они не привыкли к такому разговору об искусстве. Им гораздо привычнее разговаривать весьма смутно и отвлеченно, и с этим следует считаться. Но сколько не мудруй и не уклоняйся, жизнь в конечном счете приводит каждого истинного художника к тем же вопросам и требует с него тех же ответов. Один такой прямой ответ мы получили в Бразилии.

Театро-де-Рио, поставивший «Вторжение» Алфредо Диаса Гомеса, — маленький театрик в пассаже одного из огромных деловых зданий центра. Невелик его зрительный зал, и невелика сцена, на которой от начала до конца спектакля стояли те же декорации: продольный внутренний разрез каркаса недостроенного здания, захваченного и обжитого бездомными, несчастными людьми.

Герои «Вторжения» — жители фавел, жалких хибарок, которые, как вороны гнезда, лепятся по склонам гор над Рио. Чуть ли не треть населения живет в фавелах. Невероятные по расположению и по живописной нищете, они видны отовсюду, настойчиво не давая себя игнорировать. Герои «Вторжения» — иссушенные солнцем и бедами семьи, пришедшие из сертана, полупустыни северо-востока страны, спасающиеся от вечной засухи и вечного голода. Целые семьи таких беженцев вы неизбежно встречаете в Рио и в других бразильских городах, где они тщетно ищут свое место и свой кусок хлеба. Герои «Вторжения» — это и те молодые люди, что толпами слоняются по авениде Атлантика и по другим людным местам и о будущем которых стоит призадуматься. В пьесе много молодых судеб, разных и в общем нелегких, заставляющих зрителей о многом подумать.

Следя за развитием и раскрытием характеров молодых героев пьесы, следя за напряженной реакцией зрительного зала, я жалела об одном: о том, что в этом зале было мало таких же вот молодых людей, с такими же или похожими судьбами, сложностями, задачами. Может быть, талантливый рассказ драматурга и театра помог бы им разобраться в собственной жизни, в своих дорогах, в своем будущем. Помог бы хотя бы тем, что заставил бы их задуматься о таких вещах, от которых можно отмахнуться на горячем песке пляжа, под грохот джазов, вырывающийся из каждого бара Копакабаны.

Автор «Вторжения» Алфредо Диас Гомес — молодой человек живого и острого таланта, очень современный и социальный драматург, отлично знающий свой народ, глубоко думающий о нем. Мы недавно видели фильм «Обет», интересное произведение молодой бразильской кинематографии, это — экранизация другой пьесы Диаса Гомеса. Фильм впечатляет, приобщая к жизни Бразилии, к ее неповторимой толпе, яркой улице, к детской чистоте и глубине чувств ее простого народа. Пьеса «Вторжение» — глубже, богаче, многограннее и разнообразнее. Это настоящее вторжение на сцену театра жизненной правды, живой жизни с ее болью и смехом, кровью и силой. Мне очень помог почувствовать истинную жизнь Бразилии талантливый спектакль Театро-де-Рио. Я видела его два года назад, в январе 1963 года. Трудно сказать, идет ли он сейчас, трудно узнать, как живет и что делает его автор, — доносились до нас тревожные вести, что в дни переворота он был заточен в тюрьму; трудно ответить на многие другие вопросы, связанные с сегодняшней Бразилией. Но ясно одно: если искусство начинает так прямо и решительно разговаривать о самом главном, о жизни народа, если его истоком является жизненная правда и только она, это искусство раньше или позже ответит на любые вопросы и своему народу и всему миру.

Маргарита Алигер

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

БЕНЭ.
ИЗАБЕЛ — его жена.
ЛУЛА — их сын.
БОЛА СЭТЕ.
ЛИНДАЛВА — его жена.
ЖУСТИНО.
САНТА — его жена.
МАЛУ — их старшая дочь.
ТОНЬО — сын.

РИТА — младшая дочь.
ПРОРОК — проповедник.
ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ АГЕНТ.
ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ АГЕНТ.
ПОЛИЦЕЙСКИЙ КОМИССАР.
МАНЭ ГОРИЛЛА.
ДЕОДАТО ПЕРАЛВА — депутат.
ЖИЛЬЦЫ: БЕЛЫЕ, НЕГРЫ,
МУЛАТЫ.

Действие происходит в наши дни в Рио-де-Жанейро.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Глубокая ночь. Все погружено в темноту. Едва заметны движения человеческих силуэтов, да еще слышатся голоса. Это переговариваются между собой Бенэ, Лула и Изабел.

Бенэ (*приглушенным голосом*). Сюда. Давайте! Быстрее!
Изабел. Да подожди ты. Тут столько гвоздей. Я наколола ногу...
Лула. Тише, мама! Сторож может услышать...
Бенэ. Сторож далеко. Быстрее!

Изабел, Бенэ и Лула осторожно идут налево.

Изабел. Послушай-ка, здесь, мне кажется, неплохо. Зайдем этот угол, пока другие не опередили.

Лула. Оставайтесь тут, я схожу за вещами. (*Уходит.*)

Сквозь полумрак на фоне морского пляжа постепенно выделяется железобетонный каркас. Стен нет, видны лишь колонны, междуэтажные перекрытия. Помимо первого этажа, виден второй. Выше можно с трудом разглядеть и другие этажи. Каждый из них разделен посередине рядом пилонов так, что сцена, в сущности, состоит из каркасов четырех отдельных помещений — двух на первом этаже и двух на втором, в центре соединенных лестницей, которая ведет дальше, на верхние этажи. Похоже, что стройка уже давно законсервирована. В левой «квартире» первого этажа располагаются Бенэ, Изабел и Лула. Со второго этажа, над ними, звучат голоса Бола Сэте и Линдалвы.

Линдалва (*испуганно*). Слышал? Там люди!

Бола Сэте. Это, может, сторож?

Линдалва. Да нет, там не один, там много!

Бола Сэте. Быть может, вызвали патруль?.. Ты оставайся здесь, а я схожу посмотрю...

Линдалва. Подожди ты, несчастный! Дай мне сначала одеться!

Бола Сэте. Тише, тише, негрятяночка!

Бола Сэте поднимается с пола в левой «квартире» второго этажа, где он лежал с Линдалвой. Он без рубашки, в белых холщовых брюках. На первом этаже появляются Жустино, Санта, Малу, Тоньо и Рита — у всех выражение растерянности.

Жустино. Все пристроились где-то здесь. Давайте и мы подберем себе местечко.

Малу (*замечает, что есть свободная «квартира» справа*). Вот тут есть подходящее, папа...

Санта. И мы можем занять его просто так?..

Тоньо (*показывает на верхние этажи*). Посмотрите-ка туда. Это они и напугали нас.

Жустино. Санта, возьми ящик. Уложи ребенка.

Санта (*передавая ребенка Рите*). Подержи-ка.

Санта старается устроить колыбель из ящика, который ей дал Жустино, в то время как Малу и Тоньо пытаются втиснуть свой «багаж» в доставшийся им угол. На втором этаже появляется Линдалва— мулатка с пышными, соблазнительными формами — и подходит к Боле Сэте.

Бола Сэте. Это не полиция. Это люди оттуда, с холма.

Линдалва. С холма?

Бола Сэте. Ну да. Я слышал голос Бенэ там, внизу.

В помещение, где расположилась его семья, входит Лула, несет табурет, пару бутс и кое-какую одежду.

Лула. Больше ничего не осталось.

Бенэ. А бутылка рома?

Лула. Я искал и не нашел. Видно, кто-то стащил.

Бенэ. Стащил?! Вот бы узнать, кто эта сволочь!..

Изабел. Бенэ, не скандаль. Ты что, хочешь, чтобы явилась полиция и прогнала нас отсюда?

Бенэ. Экое хамство... Бутылка была почти полная. *(Уходит.)*

Изабел. Вот и хорошо, что стащили. Пускай!

Лула. Ничего это не даст. Он просто купит другую. *(Заметив, что Изабел начинает расставлять утварь).* А ты уже наводишь порядок?

Изабел. И не думаю. О чем вот я мечтаю, так это выспаться. А завтра посмотрим, что можно сделать. Если только доживем здесь до завтра...

Лула. За что, за что, а за это я отвечаю... Тем более скоро рассвет.

Изабел расстилает импровизированную постель. Лула с бутсами в руках выходит на площадку перед зданием, где светлее, смотрит вверх и замечает Болу Сэте и Линдалву.

Ола, Бола Сэте! Ты, оказывается, здесь?

Бола Сэте. Да... *(Линдалве.)* Это Лула, сын Бенэ. *(Луле.)* Что там у вас стряслось?

Лула *(вдевает в бутсы шнурки)*. Да пока ничего.

Бола Сэте. Вы что, захватили эту стройку?

Лула. Конечно. Не спать же нам на улице! *(Удивленно.)* А разве ты... не с нами пришел?

Бола Сэте. Нет, я уже был тут раньше... с Линдалвой.

Лула. Ага... Значит, мы пришли испортить вам медовый месяц...

Изабел. Лула, ты что не ложишься?

Лула. Я подожду отца. Чего доброго, еще попадет в какую-нибудь историю...

Линдалва *(Боле Сэте)*. Я думаю, тебе тоже надо пойти за нашими вещами.

Бола Сэте. Пожалуй. *(Спускается по лестнице и уходит.)*

На втором этаже, в правой половине, неожиданно появляется Пророк — мулат невысокого роста, с длинной черной бородой и лохматой шевелюрой. На нем темные поношенные брюки, рубашка тоже темная, навывпуск. Обут в сандалии. Держится с достоинством и спокойствием настоящего пророка.

Пророк. Да прославится господь наш Иисус Христос! Блаженны кроткие, ибо они унаследуют землю...

Со всех сторон слышится: «Тс-с-с!»

Тоньо. Э, да и Пророк сюда приплелся.

Санта *(с суеверным страхом)*. Не связывайся с ним, Тоньо. Пророк всегда то ли с богом, то ли с дьяволом.

Рита. Мне хочется спать. Можно, я лягу?

Ей лет 14, но на вид можно дать значительно меньше из-за худобы.

Жустино *(ходит из стороны в сторону с гамаком в руках)*. Потерпи. Если мне удастся повесить этот гамак...

Санта. Жустино, оставь его... Надо укладываться прямо на пол. Рита, ты поместишься тут? Хорошо, что хоть есть крыша над головой.

Рита укладывается на полу. Санта устраивается рядом с сыном.

Пятую ночь, посчитай-ка, не спим. (*Замечает, что Малу наклонилась над ящиком, где лежит ребенок.*) Что такое?

М а л у. Ничего-ничего. Он такой тихонький... что кажется мертвым.

С а н т а. Прости меня, господи, это было бы счастьем для него.

Т о н ь о. А если он начнет плакать?

С а н т а. Ну и что?

Т о н ь о. А сторож?.. Нас обнаружат.

М а л у. Не заплачет. Он так спокоен...

Пророк (*стоит с закрытыми глазами, на втором этаже*). Молиться, молиться надо. Вознести все помыслы к господу, чтобы он оборонил нас, ибо мы его паства. Бог умеет выбирать. Бог знает, кто за него. Преследуемые и униженные, люди без крова и без хлеба. Потому Иисус и изрек: блаженны страждущие и жаждущие справедливости, ибо будут они утолены.

Желая увидеть Пророка, Малу выходит на площадку перед зданием и там встречается с Лулой.

Л у л а. Если этот тип не заткнется, мы все окажемся на улице.

М а л у. Он же молится.

Л у л а. Чепуха! Я в это не верю. К богу он близок, а вот его лачуга первой скатилась под гору в ту ночь, когда нас затопило ливнем. Чего же он не предсказал? Называет себя пророком, твердит, что получает предупреждения оттуда. А вот о наводнении его, видно, забыли предупредить...

М а л у. Он говорит, все у него погибли.

Л у л а. Только женщина. Двое ребятишек спаслись.

М а л у. Его жена?

Л у л а. Нет, сестра. Вы тоже потеряли свою хибару?

М а л у. Еще не успели ее построить. Отец как раз нашел место, раздобыл кое-каких досок — и вдруг хлынул этот дождь...

Л у л а. Дьявольский ливень.

М а л у. Чудно...

Л у л а. Что?

М а л у. Вы вот здесь ругаете ливень. А в нашем краю, на севере, люди молятся, чтобы выпал дождь. А он, проклятый, не идет и не идет. И людям приходится продавать за гроши свои участки, покупать билеты на грузовик и переезжать сюда. Чтобы не погибнуть от жажды... но чтобы подохнуть тут с голоду, от ливня или еще от чего-нибудь.

Л у л а. Да, не легка жизнь... И хуже всего, что не дают нам восстановить наши лачуги. Даже полицию там поставили.

М а л у. Почему?

Л у л а. Говорят, что место опасное: Будто они действительно так трясутся за наши жизни. Болтовня! Обо всем, что случилось, газета давно писала. Разве они на это посмотрели? И не подумали. Одного они хотят — чтобы мы оттуда ушли. Буржуй явно сговорился с полицией. Ему зачем-то нужна эта земля. Вот они и воспользовались случаем.

Бола Сэте поднимается по лестнице, нагруженный утварью, входит в свою «квартиру».

Линдалва (*Боле Сэте*). Как ты задержался!

Бола Сэте. Перед тем как войти... пришлось подождать, пока полицейский обойдет квартал. (*Разгружает принесенные вещи — платья, матрас, кастрюли, гитару и прочий скарб*). Посмотри-ка, негрятя-ночка, какая луна! Так и хочется побренчать на гитаре...

Линдалва. С ума ты спятил!

М а л у (Луле). Да что говорить? Всюду одно и то же: вечно мы живем в страхе.

Лу л а. Если бы нам удалось остаться здесь...

М а л у. Ну, разве разрешат?..

Лу л а. А что? Могли бы разрешить. Эта стройка, пожалуй, больше трех лет, как заброшена. Даже сторожа не видно. Здание в десять этажей, а стоит без всякой пользы. Зато мы выброшены на улицу, спим в гостинице «Под звездами». Что им стоит оставить нас здесь?..

М а л у. Не верю я в это. И боюсь, что будет еще хуже, когда рассветет.

Лу л а. Да, но тут есть люди, готовые пойти на все.

М а л у. А если явится полиция?

Лу л а. Ну, тогда и будет видно. Ты где устроилась?

М а л у. Здесь.

Лу л а. Теперь мы будем видаться каждый день... если нас не прогонят.

М а л у. Да...

Лу л а. Хорошо будет.

М а л у. Возможно.

Лу л а. Ты работаешь?

М а л у. Еще нет. Ищу место.

Лу л а. А вдруг найдется на моей фабрике?.. Там много девушек работает на ткацких станках. Хочешь, я узнаю, есть ли свободное место?

М а л у. Ты еще спрашиваешь...

Лу л а. С севера приехала?

М а л у. Из Параибы.

Лу л а. Это, верно, очень далеко?

М а л у. Да мы две недели тряслись на грузовике... Две недели сидели на жесткой скамейке, не распрямляя ног. Вытянуть можно лишь одну, на две места не хватает.

Входит Бенэ.

Бенэ. Скоты!

Лу л а. Не нашел?

Бенэ. Конечно нет. Стянули, а все ж дознаюсь, набью морду этой сволочи... *(Направляется в свою «квартиру», продолжая ворчать.)*

Лу л а (Малу). Я поговорю на фабрике.

М а л у. Спасибо.

Бенэ. Что ты там делаешь, Лула? Почему не идешь спать? Завтра воскресенье, и у тебя игра. Тренер из футбольного клуба — из «Фламенго» — придет посмотреть на вас.

Лула подходит к Бенэ, Малу исчезает в своей «квартире».

Лу л а. Я даже не знаю, буду ли я играть.

Бенэ *(возмущенно)*. Не знаешь? Разве тебя не включили в команду?

Лу л а. Включили, но... *(С досадой)*. Лучше бы поставили на мое место Бирибу.

Бенэ. Ничего не стоит этот Бириба. Он колченогий.

Лу л а. Но я не хочу...

Бенэ. Ты что это? Сам тренер из «Фламенго» придет посмотреть на игру. Мне сказали, что он будет наверняка. И ты хочешь потерять такую возможность? Тренер из «Фламенго»!

Лу л а *(укладываясь на матрас)*. Ладно.

Жустино *(обращаясь к Малу)*. Я расстелил гамак на полу. Можешь ложиться. Тоньо уже крепко заснул, да и Рита тоже.

М а л у. А вы, папа?

Жустино. Я так посижу. Тебе, наверное, хочется есть?

М а л у. Хотелось. Но сейчас прошло.

Жустино. Что с нами будет дальше? Неизвестность даже голод отбивает...

Малу. Вы считаете, что нам не следовало забираться сюда?

Жустино. Нам вообще не надо было уезжать из родных мест. Ни за что!

Малу. А зачем оставаться там?

Жустино. А зачем тут? Мы здесь лишние, Малу. Город выталкивает нас.

Малу. Как знать? Может, дела поправятся. Тоньо все же пойдет работать. Ему обещали место каменщика.

Жустино. Обещали...

Малу. Правда. Он вам не сказал?

Жустино. Я уже две недели хожу туда и сюда, выпрашивая любую работу. На меня смотрят как на прокаженного. И находятся даже такие, что готовы дать денег, одежду. Но мне нужна работа, а не подачка.

Малу. Это, папа, все из-за возраста. А Тоньо молод...

Жустино. А разве я старик? Что ж, я уже никуда не гожусь? Два Тоньо не сделают того, что я могу наработать мотыгой. *(Передумав.)* Впрочем, может быть, они и правы. Покинув свои родные края, мы лишились силы, мы уже не те, что там. Я чувствую, что уже не тот. Какая-то слабость...

Малу. Ну что вы, папа!

Жустино. Слабость, да, Малу. Я никогда ничего не боялся, а сейчас все мне внушает страх.

Малу. Это оттого, что мы недоедаем, не высыпаемся.

Жустино. Не знаю. Знаю лишь одно, что мне очень хочется вернуться. Я даже во сне это вижу.

Малу. Папа, когда мы уезжали, ведь уже высохло все, все, до последнего колодца!

Жустино. Не знаю. Ничего не знаю. Я стал слепым конем, что обо все спотыкается.

Пророк *(на верхнем этаже)* ...ибо Иисус изрек: нет смысла копить богатства на земле. Земля полна воров, они все крадут. Отбирают у нас деньги, дом, завладевают всем и говорят, что это принадлежит им, что мы не имеем права ни на что. Поэтому, сказал господь наш, какой смысл в стяжательстве? Мы должны собирать богатства не здесь, а на небе. Там у нас должен быть наш дом, наши богатства, ибо нет туда доступа тем, кто воровал на земле. Хозяева домов, автомобилей не ведают, что все это не принадлежит им. На самом деле мы хозяева всего, потому что у нас есть вера! Ибо Иисус сказал...

В отдалении слышен резкий свисток ночного сторожа, прерывающий речь Пророка. Все встревожены.

Бенэ *(по адресу Пророка)*. Вот сукин сын... Оратор...

Изабел. Не ругай Пророка, Бенэ! Это приносит несчастье!

Бенэ *(делает резкий жест)*. А!

Снова слышится свисток сторожа, теперь уже дальше.

Малу. Пронесло...

Жустино. Да, а вот наступит день — и не пронесет... *(Устраивается в углу, укладывая узел вместо подушки.)*

Линдалва *(обращаясь к Боле Сэте)*. Что там такое?

Бола Сэте. Ничего, негрityночка. Сторож напугал нас. Эти типы не уважают даже нашу любовь...

Линдалва. Послушай, будь осторожнее, ведь уже рассветает...

Бола Сэте. Ах, негрityночка, ты родилась, чтоб мулат страдал...

Картина вторая

Около десяти часов утра того же дня. Изабел входит с узлом белья и начинает развешивать его на жерди, пристроенной на площадке, слева. Одновременно Жустино старается повесить гамак в «квартире» справа, Малу разбирается в своем имуществе. Этажом выше Бола Сэте поет под гитару сочиненную им самбу. Линдалва готовит кофе на самодельном очаге, в котором горит уголь.

Линдалва (*когда кончается самба*). Что ж, неплохо.

Бола Сэте. Ты еще увидишь эту самбу записанной на пластинки, услышишь имя своего мулата по радио.

Линдалва. А ты не продашь эту самбу снова тому композитору?

Бола Сэте. Нет, не продам. Другую я ему продал потому, что совсем был без денег. Но эту ни за что! Я хочу услышать голос диктора: «Дамы и господа, сейчас вы познакомитесь с новой самбой Ориовалдо Сантоса...» Ты представляешь себе?

Линдалва. Это будет сенсация! Хотелось бы мне тогда посмотреть на Дораси, вечно воображающую, что она лучше других, только потому, что ее муж — контролер электрокомпании...

Бола Сэте. Ну что ж, посмотришь. Пусть для этого мне придется отправиться черт знает куда и сделать приношения всем богам.

Линдалва. Хочешь, я пойду?

Бола Сэте. Пойдем оба. Обложить зверя лучше со всех сторон.

Линдалва. Похоже, ты не очень-то веришь в свою самбу...

Бола Сэте. Верю. Но одного таланта всегда мало. Надо еще иметь какое-нибудь божество, которое бы помогло... (*Снова принимается брэнчать на гитаре, потихоньку напевая прежний мотив.*)

Жустино (*возится в своей «квартире» с гамаком*). Есть еще такие, что распевают...

Малу. Который теперь час?

Жустино. Кто его знает? Часов десять, наверное, а может быть, и больше.

Малу. До сих пор ничего... не появился ни сторож, ни полицейский... никто не пришел и не потребовал, чтобы мы убрались. (*С сомнением.*) Неужели нам позволят тут остаться?

Жустино. Подождем. (*Оторвавшись от своего занятия.*) Промедление — дурной признак.

Малу (*поглядывая на верхние этажи*). Кажется, никто не обращает ни на что внимания. Одни мы.

Жустино (*возвращается к своей работе*). Все просто делают вид, что спокойны. Я уже видел одного типа, который поднимался к себе, вооружившись ножом и палкой...

Малу. По-твоему, люди будут сопротивляться, если нагрянет полиция?

Жустино. Не думаю. Выгнали нас с холма — прогонят и отсюда.

Малу подходит к ящику, где лежит ребенок, становится на колени и принимается укладывать его поудобнее среди тряпок.

Линдалва (*Боле Сэте*). Выпей кофе.

Бола Сэте (*перестает играть и выпивает залпом кружку кофе*). Что-то они медлят.

Линдалва. Кто?

Бола Сэте. Полицейские агенты.

Линдалва. Ты думаешь, они еще явятся?..

Бола Сэте. Неужели ты сомневаешься? О, они долго не задержатся. (*Отдает Линдалве кружку*). Пойду посмотрю, что там, на улице.

Направляется к лестнице, а Линдалва принимается убирать кухонную утварь.

Жустино (*Малу*). А куда так рано ушли наши?

М а л у. Тоньо пошел продавать свой большой нож в вышитых ножнах.
(*Возмущенно.*) Что-то есть нам нужно!

Ж у с т и н о. Я знаю. Ну, а мать и сестра?

М а л у. Пошли искать работу. (*Снова возмущенный жест.*) Нельзя же сидеть тут в бесконечном ожидании, пока явится полиция и выгонит нас отсюда, как уже прогнала с холма Мараканья! А куда отсюда? Прямо на улицу. И куда идти?

Ж у с т и н о (*страдальческим тоном, как будто слова ранили его*). Куда идти!

Бола Сэте спустился по лестнице, подошел к Малу и Жустино.

М а л у. Что вам?

Бола Сэте. Где Тоньо?

М а л у. Ушел.

Бола Сэте. Мне хотелось сговориться с ним насчет завтрашнего дня.
Я рано выхожу на работу, и ему стоит пойти вместе со мной.

М а л у. Это вы обещали устроить ему место?

Бола Сэте. На стройке, где я работаю, может быть, удастся. Придется начинать подручным...

М а л у. Ему подойдет любая работа. Он скоро вернется.

Бола Сэте. Скажи ему тогда. (*Показывает на верхний этаж.*) Я там, наверху.

М а л у. Хорошо.

Бола Сэте уходит, направляясь к выходу. По дороге задерживается у «квартиры» Бенэ, где по хозяйству хлопочет Изабел.

Бола Сэте. Изабел, а вы тут неплохо устроились... Будто на всю жизнь...

Изабел. А почему бы и нет? Я отсюда уйду, только если мне позволят вернуться на холм и водвориться на старое место.

Бола Сэте. Так ведь не дадут, а? Пройдоха наложил лапу на эту землю...

Изабел. Это потому, что вы не мужчины. Если бы вы были мужчинами, так никто бы оттуда не ушел и полицию бы прогнали...

Бола Сэте. Нас обманули. Сказали, что каждому дадут квартиру.

Изабел. Ловко сделано. В другой раз не будете развешивать уши и слушать красивые обещания.

Бола Сэте. Ничего... Сведем счеты на небе...

Изабел. Если встретишь моего Бенэ, пошли его сюда.

Бола Сэте. А где он?

Изабел. На футболе, с Лулой! А я тут, несчастная, гну спину. Все это белье надо сдать сегодня...

Бола Сэте. Бенэ не таков, чтобы изнурять себя работой...

Изабел. Да, но стукнет час, когда и ему будет худо... Вот увидишь.

Бола Сэте усмехается и уходит. Изабел принимается гладить белье. Жустино наконец удалось повесить гамак.

Ж у с т и н о. Готов. (*Пробует прочность гамака.*) Держится крепко.

М а л у. Что толку? Вот увидите, придется нам убираться отсюда сегодня же. (*Берет алюминиевую кастрюльку.*)

Ж у с т и н о. Что ты собираешься делать?

М а л у. Осталось еще немножко муки. Приготовлю для него кашицу. (*Печально смотрит внутрь ящика.*) Он так некрасив и хил. Похож на обезьянку. (*Открывает банку, высыпает из нее муку в кастрюлю. Обращается к Изабел.*) Нет ли у вас немножко воды?

Изабел (*показывает на бутылку*). Возьми там.

Малу берет бутылку, выливает немного воды в кастрюлю.

Изабел. Мучная каша?

М а л у. Да. Для мальчика.

И з а б е л (*удивляется*). И он это ест?

М а л у. Он никогда ничего другого не видел.

И з а б е л. А молоко?

М а л у. У матери его нет.

И з а б е л. Сколько же ему месяцев?

М а л у. Пять.

И з а б е л. Наверное, немного не доношен?..

М а л у. Нет, он родился вовремя. Но все его братья не выжили. Их должно было быть шестеро.

И з а б е л. Можешь оставить себе бутылку с водой.

М а л у. Не надо. Мы наберем из колонки там, на улице. (*Идет к себе.*)

Входит возмущенный Б е н э. Он несет под мышкой бутылку спиртного.

Б е н э. Где Лула?

И з а б е л. Откуда мне знать? Разве он не с тобой?

Б е н э. Он ушел раньше. Я думал, что он уже тут.

И з а б е л. Что-то рано кончилось.

Б е н э. Игра вовсе не кончилась.

И з а б е л (*без особой озабоченности*). Его там побили, что ли?

Б е н э. Слюнтяй он, даже на поле не вышел! Прикинулся больным, и вместо него поставили Бирибу. (*Откупоривает бутылку, сбивая металлическую пробку о стул.*)

И з а б е л. Может, он болен на самом деле?..

Б е н э. Ничего он не болен. Просто сделал так, чтобы не играть.

И з а б е л. А если он не хочет играть...

Б е н э. Но сегодня он должен был!.. Именно сегодня, на глазах у тренера из «Фламенго»! Эх, потерять такой шанс! Никогда в жизни ему больше не представится подобного...

Входит Л у л а с парой бутс, перекинутых через плечо на шнурках. Увидев отца, он опускает глаза. Б е н э, взглянув на него, выпивает глоток спиртного и демонстративно поворачивается к сыну спиной. Все молчат. Лула кидает бутсы в угол.

Л у л а. Что случилось? Умер кто-нибудь?

И з а б е л (*после паузы*). А ты не заболел?

Л у л а. Мне нездоровится. Не высыпаюсь я в последние дни.

И з а б е л. Тогда почему ты не используешь момент? Ложись тут, поспи.

Л у л а. Пожалуй, так я и сделаю.

Б е н э (*поворачивается к нему и выкрикивает, как оскорбление*). Знаешь, что сказал тренер из «Фламенго», когда увидел, как Бириба забил первый гол? Я был рядом с ним и слышал. Он сказал, что возьмет его на тренировки!

Л у л а. Ну и что?

Б е н э. Как что? Ты еще спрашиваешь? Ведь если бы играл ты, он тебя бы взял!

Л у л а. Не знаю, почему он взял бы меня. Ему понравился Бириба, а я мог не подойти.

Б е н э. Ты играешь вдесятеро лучше Бирибы.

Л у л а. Это только по-твоему. Когда я пришел на поле, все говорили, что несправедливо не поставить Бирибу.

Б е н э. Так, выходит, ты поэтому не захотел играть?

Л у л а. Да. И я знаю, что это верно. Бириба играет много лучше меня. Меня только потому и ставят, что я твой сын и ты за меня просишь. Вот и все. Хватит с меня этого покровительства! Не хочу я больше играть в футбол!

Б е н э. Не хочешь?!

Лула. Нет!

Бенэ. Чего же ты тогда хочешь?

Лула. Я рабочий. Хочу быть рабочим.

Бенэ. И всегда возиться в навозе! Этого ты хочешь? *(Пауза.)* На своей фабрике ты уже шесть лет. Чего ты добился? Ничего!

Изабел *(вступаясь за сына)*. А ты? Был профессиональным футболистом. Прославился. Играл даже в сборной. Что толку? Никто и не помнит о тебе! Ливень снес твою лачугу, ты выброшен на улицу, как и другие. *(С сарказмом.)* Бенэ! Бенэ! Великий Бенэ! У тебя даже работы нет...

Бенэ. В мое время было иначе. Мы зарабатывали пустяки, разве можно было что-нибудь скопить? Но нынче другое дело. Есть футболисты-миллионеры, покупающие в Копакабанае квартиры для сдачи в наем. Если бы я сейчас был в твоём возрасте, я устроился бы в жизни. И в мое время со мной никто не мог равняться. *(Подчеркнуто.)* А у тебя моя игра, мой стиль — я ручаюсь, все заметят это.

Лула в раздражении бросается на матрас.

(Сотчаянием). Но он, видите ли, хочет стать рабочим! На всю жизнь рабочим! *(Выходя на лестницу.)* Вот и будет ослом в аду!

Изабел *(кричит)*. Подожди-ка! Куда ты, Бенэ? Останься. Не ходи.

Бенэ уходит, не слушая ее.

Наверняка подерется с полицейским.

Входит Тоньо, направляясь к своей «квартире».

Лула *(Изабел)*. Он не хочет понять... не хочет понять!

Изабел. Не обращай на него внимания, сынок. Если бы футбол приносил богатство, он не жил бы на случайные гроши. И пьет он оттого, что понимает, насколько беспомощен.

Тоньо *(бросая нож на ящик)*. Ничего не вышло. Никто не захотел купить. Нашелся один такой, который предложил пять крузейро. Мне захотелось пырнуть его в живот. *(Другим тоном.)* Потом я спохватился. Надо было взять пятерку. *(Видит Малу, приготовляющую кашу.)* Еда?

Малу. Мучная каша для ребенка.

Тоньо *(разочарованно)*. А... *(Ложится в гамак.)* Я пришел сразу еще и потому, что... беспокоился... думал, что вас уже выгнали отсюда.

Жустино. Там, на улице, ты не видел никакого движения?

Тоньо. Полиции? Нет, не заметил.

Жустино. Лучше бы нам уйти отсюда сейчас, позже будет хуже — под угрозой пуль.

Тоньо. Уйти, почему?

Жустино. Потому что рано или поздно нас отсюда попросят! У этого здания есть хозяин! И хозяин не позволит...

Тоньо. Когда хозяин появится, тогда мы и уйдем.

Линдалва, занятая своими домашними делами, напевает самбу Болы Сетэ.

Входят Санта и Рита. Малу дует на кашу, чтобы ее остудить.

Малу. Нашли работу?

Санта. Я принесла еды. *(Выкладывает на ящик несколько пакетов.)* Фасоль, мука...

Рита *(показывает принесенный ею сверток)*. Вяленое мясо!

Тоньо *(с недоверием)*. Вяленое мясо?

Санта. Вы ели сегодня?

Малу. Кусок черствого хлеба.

Санта. А ребенок?

Малу. Я приготовила кашу из оставшейся муки.

Санта. Не давай ему этого. Я принесла молока.

Рита. Мама, мне хочется есть.

Санта. Тихо! Не одна ты голодна. (*Распаковывает свертки, берет кастрюлю*).

Жустино (*подозрительно*). Санта... откуда ты все это раздобыла?

Санта. Зачем тебе знать?

Рита. И еще остались деньги.

Жустино (*не понимая*). Остались деньги? Какие деньги? Откуда они взялись, Санта?

Санта. Нашла на улице.

Жустино. Ложь! Ты просила... просила милостыню!

Санта склоняет голову, не имея мужества защищаться.

Жустино. И еще взяла с собой дочь! Обе просили милостыню на улице, как нищие! Как тебе не стыдно, Санта?!

Малу. А что вы от нее хотите? Чтобы она дала всем помереть с голоду?! Чтобы сидела тут сложа руки, неизвестно чего ожидая? Разве просить милостыню — преступление?

Жустино. Нет, но это унижительно.

Малу. Унижительно ничего не делать.

Рита (*плачущим голосом, чувствуя себя виноватой*). Я очень хотела есть. Это мама из-за меня начала просить!

Санта (*оправдываясь*). Я думала только купить стакан молока и хлебец для нее, клянусь, Жустино... Но потом я вспомнила о вас... это оказалось легко... достаточно протянуть руку, не понадобилось даже говорить... так легко...

Жустино (*беспомощно*). Да, очень легко... Никогда не считал я, что нам придется докатиться до этого. Просить... протягивать руку... Но, может быть, вы и правы. Просить — не преступление.

Тоньо. Какой смысл спорить? Что сделано, то сделано. Ставь, мама, фасоль на огонь.

Санта (*дает кастрюлю Тоньо*). Сходи налей воды. Тут поблизости кран.

Тоньо. Я знаю. (*Выходит.*)

Рита (*склоняется над ящиком, где лежит ребенок, говорит наивно, взволнованно*). Мама, а почему он такой синенький?

Малу вздрагивает. Подходит к ящику и берет ребенка на руки. Прислушивается.

Санта (*разбирая фасоль, не глядя на Малу*). Это от голода. Он сейчас поест. Я принесла молока в порошке. Только он может удивиться. Я понимаю, почему пронесло ребенка Желуки, когда его впервые напоили молоком... Для нашего это тоже новинка. Никогда он не пробовал пищу богатого ребенка...

Малу (*молча, медленно кладет ребенка обратно в ящик*). И никогда не попробует...

Санта (*понимая значение слов Малу, подбегает к ящику и видит, что ребенок умер. Берет его молча на руки, подносит к Жустино*).
Смотри, смотри. Он уже стих.

Жустино. Умер сейчас?

Санта. Еще теплый.

Жустино. Так я и знал. Предвидел, что он не выживет.

Рита (*взволнованно*). Он в самом деле умер, мама?!

Изабел (*услышала разговор и подошла*). Что случилось с мальчиком?

Санта. Скончался.

Изабел (*с большим волнением, чем Санта*). Бедняжечка. Отчего же?

Лула поднимается с матраса и смотрит в сторону «квартиры» Жустино.

Линдалва продолжает напевать самбу.

Санта (*простодушно*). Голод. Так для него лучше. (*Укладывает ребенка снова в ящик.*)

Изабел (*Линдалве*). Замолчи ты, там!

Линдалва (*подходит к краю междуэтажного перекрытия и смотрит вниз*). Почему это я должна замолчать?

Лула. Мальчонка умер.

Санта (*после долгой паузы*). Нечего всем стоять вытаращив глаза. (*Берет кастрюлю.*) Что же это Тоньо не идет с водой?

Откуда-то слышится крик Болы Сэте: «Эй, люди, они идут сюда!» А затем появляется и сам Бола Сэте.

Бола Сэте. Они тут! Полицейские агенты тут! (*Быстро поднимается к себе.*)

Малу. Полиция!

С различных сторон вбегают Бенэ и Тоньо.

Тоньо. Там остановилась машина!

Бенэ. Полицейские! Полицейские! Приехали нас прогнать!

Лула. Много их?

Бенэ. Не знаю. Я только видел, что подъехала машина...

Линдалва (*Боле Сэте*). И что же теперь?..

Бола Сэте. Сиди спокойно, негритянка. Жди, когда пропоет петух.

Глухой шум, доносящийся со всех этажей, неожиданно обрывается. Два полицейских агента выходят на середину площади при всеобщем молчании.

Первый агент. Вот что. Мы пришли сюда договориться с вами по-хорошему. (*Оглядывает всех, рассчитывая напугать.*) Ну-ка проваливайте отсюда.

Бенэ. Уходить, куда?

Первый агент. Это уж ваше дело. У меня есть приказ выгнать всех. И мне не хотелось бы прибегать к силе.

Второй агент. Забирайте свое барахло и выметайтесь...

Никто не трогается с места.

Вы что, не слышали?

Изабел (*подходит к агентам*). Я очень сожалею, но мы не можем сейчас уйти.

Второй агент. Это почему же?

Изабел. Потому что здесь умер ребенок. Нужно позвать врача, нужно выписать свидетельство, устроить похороны.

Первый агент. Где ребенок?

Изабел показывает на «квартиру» Жустино. Санта подтверждает кивком головы. Агенты идут туда, смотрят.

Первый агент. Ладно, а остальные пусть уходят. Потом я вызову катафалк.

Изабел (*решительно*). Никто из нас не уйдет. Все останутся здесь, чтобы похоронить мальчика.

Лула. Вот именно, все пойдут на похороны.

Бола Сэте. Все. (*Спускается по лестнице.*)

Немедленно, точно по команде, с верхних этажей начинают спускаться люди, некоторые с палками.

Первый агент (*испуганно*). Это еще что? Вы хотите затеять... беспорядки? (*Отступает, держась за пистолет.*) Подумайте хорошенько... можете нажать неприятности...

Второй агент (*также отступая*). Чего вы хотите?...

Бола Сэте. Ничего, начальничек. Все собрались сюда на отпевание ангелочка.

Первый агент (*пытается избрать достойный выход*). Ладно, мы пойдем вызовем катафалк.

Агенты уходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина третья

Три дня спустя. Около пяти часов пополудни. За исключением «квартиры» Пророка, во всех других можно заметить, что обитатели старались сделать их более обжитыми, даже как-то обставить. Развешено белье на жердях. Изабел стирает. Бенэ валяется на матрасе, прескверно себя чувствуя с похмелья. В «квартире» справа Санта разогревает какую-то еду. Второй этаж пуст.

Появляется Манэ Горилла, которого прозвали так из-за его грубого облика, большой силы и походки вразвалку, но его речь всегда мягка, вкрадчива. Изабел, заметив Манэ Гориллу, настороженно следит за ним.

Горилла. Э, да вы тут неплохо устроились. Сколько времени вы здесь обитаете?

Изабел. Трое суток.

Горилла. Удивляюсь.

Изабел. Почему?

Горилла. Так они давно могли бы выкинуть вас отсюда.

Изабел. Хотели было.

Горилла. Знаю, знаю. Слышал, что полицию вы вытурили.

Изабел. Вытурили, ну и что с того?

Горилла. Никак не думал, что здесь столько храбрецов.

Бенэ (*приподнимает голову*). Кто там, Изабел?

Изабел. Это сеньор Манэ Горил... (*Замолкает.*)

Горилла (*улыбается*). Можете обзывать меня Гориллой, как хотите, мне все равно.

Бенэ невразумительно бурчит и снова опускает голову.

Изабел. Это он с похмелья.

Горилла. А полиция больше не возвращалась?

Изабел. Нет. Адвокат из Союза жителей фавел добивается распоряжения судьбы, чтобы нам остаться здесь. Но это не совсем надежно.

С часа на час они могут нагряться и выбросить нас на улицу.

Горилла. Сегодня этого не случится.

Изабел. Кто вам сказал?

Горилла. Неважно. Но мне это точно известно... А ливень был дьявольский.

Изабел. Вы тоже потеряли... арендную плату за бараки... они, должно быть, приносили вам хорошие деньги...

Горилла. Хватало на жизнь. (*Жалобно.*) Знаете, у меня ведь жена, куча ребятишек — всех надо содержать...

Изабел. Говорят, что вы приютили детишек сестры Пророка?

Горилла. Да. Они у меня дома. Сущие дьяволята. С четырьмя, что у меня были, их стало шестеро.

Изабел. И ни один не ваш?

Горилла. Ни один. Всех подобрал на улице. Шестеро их теперь. Шестеро надо прокормить, да еще жену, а она ест за десятерых. Представляете себе, сеньора, каким несчастьем был и для меня этот ливень?

Изабел. Представляю.

Горилла. Правда, землевладелец дал мне кое-что, чтобы я не шумел...

Изабел. Что и говорить, вы всегда улаживаете все между собой. Это мы расплачиваемся за все.

Горилла. Он, должно быть, подкупил также полицию и префектуру, чтобы вас туда не пустить. Им нужно было освободить участок, хотят построить там небоскреб.

Изабел. А я раньше думала, что участок — ваш.

Горилла (*простодушно*). Нет, что вы! Ну, скажите, кто я такой?
 Изабел (*побеждая на мгновение страх, который ей внушает Манэ Горилла*). Тогда как же это вы, сеньор, собираете арендную плату?..
 Горилла. Я собираю деньги потому, что даю доски на постройку барачков, договариваюсь с полицией... Это значит — участвую капиталом и трудом. Разве не справедливо, чтобы я получал кое-что? Мое дело — честное. То, что я собираю, ни в какое сравнение не идет с тем, что я делаю людям. Я не люблю эксплуатировать... Я делаю все потому, что мне нравится помогать.

Изабел (*с легкой иронией в голосе*). И вы, сеньор, много помогли?

Горилла. Только вчера я дал десять тысяч крузейро из своего кармана, пусть купят скамейки для школы там, на холме. (*Оглядывается кругом.*) Если вы останетесь тут, я мог бы устроить школу и здесь. Нужно научить ребятишек читать. Не зная грамоты, они не смогут завтра голосовать.

Изабел. А вы сеньор, уже кандидат в депутаты?

Горилла (*скромно*). Кто я такой, дона Изабел? Вы же знаете, кто мой депутат. Это сеньор Деодато. Я работаю только для него. Он — мой кум и порядочный человек, друг бедных. Вы, сеньора, знаете, чего он только не сделал для людей там, на холме. И водопроводную колонку поставил, и электричество провел, он устраивает все, что нужно народу. О, это большой человек!

С унылым видом, еле передвигая ноги, входит Жустино.

Горилла. Ола́!

Жустино (*приглядывается, узнает его*). А... добрый вечер!

Горилла. Вы тоже здесь...

Жустино. Пока не выгнали...

Горилла. Вам не повезло. Не удалось закончить барак...

Жустино. Да.

Горилла. А знаете место, которое я вам устроил, превосходным было...

Жустино. Было...

Горилла. Мальчонка... мне сказали, умер.

Жустино. Да, умер...

Горилла. Если бы вы меня предупредили, я устроил бы вам задаром гроб. Белый гробик, с золотым позументом и даже с ангелочком.

Жустино. Не знал. Пришлось залезть в долги.

Горилла. Я заплачу. Скажите мне, где купили, и я расплачусь.

Жустино. Не надо...

Горилла. Нет, позвольте, позвольте. Я всегда так поступал и раньше, на холме. Вот дона Изабел не даст мне соврать.

Изабел. Это правда. Он все делал для детей.

Горилла. Ангелочек наверняка летит на небо, сеньор Жустино. А кто возносится на небо, там должен хорошо отозваться о нас.

Жустино. Я вот подумал... если вы, сеньор, не обидитесь, то деньги, что я вам дал...

Горилла. Так что?

Жустино. Если бы вы могли мне их вернуть...

Горилла. Как это вернуть, почему?

Жустино. Да ведь нам не удалось построить барак...

Горилла. Эти деньги были за право пользования землей.

Жустино. Но мы же ее не использовали...

Горилла. А кто виноват? Я, что ли? Ведь послал ливень не я, а бог. Вот и получайте с него. (*Поворачивается спиной и удаляется, неторопливо раскачиваясь на ходу.*)

Санта (*подходит к Жустино*). Что случилось?..

Жустино. Я попросил этого пройдоху, что устроил нам участок на краю обрыва и доски для постройки... Я попросил его вернуть деньги... Так он показал мне зад...

Санта. Он — хозяин участка...

Изабел. Вовсе не он хозяин. Только что сейчас признался. Давал нам какие-то гнилые деревяшки и потом всю жизнь выжимал из нас деньги.

Санта. А почему мы платили?

Изабел. А кто бы набрался храбрости сказать ему это? Разве тот, кто согласился бы проснуться в подожженной лачуге.

Санта. Он?..

Изабел. Прodelывал так не раз, и никогда не обнаруживалось, кто поджег.

Жустино. А полиция?

Изабел. Ну, полиция как раз его и защищает... Он под крылышком депутата. Потому и делает все, что захочет. *(Оглядывается с презрением.)* И еще потому, что мужчин-то здесь нет. Эх, родиться бы мне мужчиной! *(Взяв из таза белье, энергично его выжимает, развешивает на жерди.)* Эй, Бенэ! Вставай! Ты что, собираешься день превратить в ночь?

Входит Линдалва, насвистывая самбу Болы Сэте, поднимается по лестнице в свою «квартиру»; Санта и Жустино идут к себе.

Жустино *(видит блюдо с едой)*. Это что, Тоньо принес деньги?

Санта. Нет. Он еще не пришел с работы.

Жустино. А что на тарелке?..

Санта. Поешь. Тебе не хочется есть?

Жустино *(раздраженно)*. Санта, ты снова ходила?..

Санта. Ешь, божий человек. Ну, и что из того? *(Откладывает ему немного еды на другую тарелку.)*

Жустино медленно принимается есть.

Ничего пока не вышло?

Жустино. Обещали... На будущей неделе... Место сторожа на постройке.

Санта. Платить будут хорошо?

Жустино. Обещали... *(Пауза.)* Я подсчитал: если откладывать половину, менее чем за год скопим на билеты для всех.

Изабел. Эй, муженек! Вставай!

Бенэ *(приподнимается с матраса, мрачно)*. Который час?

Изабел. Почти что вечер. Хочешь кофе? В кофейнике есть. Надо только разогреть.

Бенэ берет кофейник и лениво разжигает очаг.

Изабел. Приходил какой-то тип, спрашивал Лулу.

Бенэ. Не из «Фламенго»? Мне обещали вызвать Лулу на тренировку...

Изабел. Совсем не то. Я его знаю. Это Рафаэл, который бывал у нас там, на холме. *(Возвращается к своей работе.)*

Бенэ. Лула снова путается с этими людьми?

Появляются Малу и Рита.

Жустино. Куда это вы ходили?

Малу. Были везде. По объявлениям в газете. *(Снимает туфли, шевелит затекшими пальцами.)*

Санта. Нашли что-нибудь?

Рита. Малу нанялась.

Санта. Что за работа?

Малу. Убирать дом. Платят прилично.

Рита. И есть где спать.

Санта. Слава богу.

Малу. Каморка без окна, только койка и влезает.

Санта. Все лучше, чем здесь.

Рита. Мама, можно поесть?

Санта. Можно. Оставь немного сестре.

Малу. Не надо. Лула пригласил меня пройтись с ним вечером.

Жустино (*резко*). Ты ему доверяешь?

Малу. Нет. Но я думаю, он сведет меня куда-нибудь поужинать.

Жустино. Скоро придет Тоньо, принесет денег.

Малу. Лула обещал устроить меня на фабрику.

Рита принимается есть.

Санта. Зачем? Разве ты уже не нанялась?

Жустино. Если не расходовать половину твоего жалованья — как знать, может удастся скопить немного. Ведь у тебя будет жилье и еда.

Малу. Какая разница между тем, что у меня здесь, и той каморкой, где я буду спать! Тут зато небо видно.

Рита. Малу сказала хозяйке, что она не поместится на койке. Так та, знаешь, ответила, чтобы Малу подогнула ноги. (*Смеется.*)

Входит Лула, идет к себе.

Лула. Ола!

Изабел. Тут приходил один тип, разыскивал тебя. Этот, как его...

Рафаэл.

Лула. Я встретил его на углу.

Бенэ. Что ему здесь нужно?

Лула. Его послал мой приятель с фабрики, Антонио.

Бенэ. Послал, зачем?

Лула. Помочь нам.

Бенэ. Чем помочь?

Лула. Организовать сопротивление.

Бенэ. Смотри, впутаешься черт знает во что. Попадешь за решетку, так не говори, что я тебя не предупредил. Эти люди накликают тюрьму! Запросто...

Изабел. Я тоже считаю, что тебе надо держаться от них подальше.

Лула. Они за нас, мама!

Бенэ (*недоверчиво*). Какой у них в этом интерес?

Лула. Никакого, но... Они знают, что мы правы.

Бенэ. А правы ли мы на самом деле? Они все говорят так, чтобы втянуть нас. Я-то знаю, как это бывает.

Изабел. Если полиция пронюхает, что и они тут, нам и на денек здесь не остаться.

Лула. А ведь вы их не видели на фабрике во время последней забастовки. Это они, все они организовали. Антонио арестовали, но потом им пришлось его выпустить. Из тюрьмы он передавал нам: «Держитесь твердо, ребята. Держитесь, им придется уступить».

Бенэ. И они уступили?

Лула. Ну, сорок процентов не прибавили, зато на двадцать пять согласились. А это как раз то, что нам нужно.

Изабел. А что толку? Вздулись и цены на все. Забастовка — это чепуха.

Лула (*с горячностью*). Нет, не чепуха, мама. Забастовка — это право, это... Но какой смысл доказывать? Вы же... А у нас здесь куда серьезнее, чем забастовка. Мы нанесли удар по частной собственности, а на этом капиталистическое общество держится. Подумайте, это очень серьезно! Нам надо организовать наметить план самообороны.

Бенэ. Чем только они не забили тебе голову! (*Направляется к выходу.*)

Изабел. Куда это ты?

Бенэ. В бар.

Изабел. Опять начинаешь...

Бенэ. Нет, принять гомеопатическую дозу. (*Уходит.*)

Лула выходит следом за отцом, встречается на площадке с Малу.

Лула. Место тебе уже почти устроено.

Малу. Где?

Лула. У нас на фабрике. Я сегодня снова говорил. В будущем месяце хотят уволить нескольких девушек из прядильного. Они работают уже много лет. Конечно, это подлость... зато на их место должны взять новых...

Малу. Я уже нашла сегодня место.

Лула. Нашла? Где же?

Малу. В семье.

Лула (*с предубеждением*). Ты будешь служанкой?

Малу. Ну, и что из того?

Лула. Ничего. На фабрике зарабатывают больше. У них право на отпуск... Конечно, тоже притесняют, но все-таки это другое дело.

Малу. А что мы можем поделать? Жизнь не такова, как бы нам хотелось. Будь она другой, я не пошла бы ни в служанки, ни на фабрику.

Лула. Кем же ты хотела бы стать?

Малу. Почему я знаю?.. Иногда я завидую своим братишкам, которые родились мертвыми.

Лула. Не говори глупостей. В один прекрасный день все переменится.

Малу. Ты и впрямь веришь?

Лула. Да это точно! Даже бог не в силах помешать.

Входят Тоньо и Бола Сэте, последний, насвистывая, идет в свою «квартиру».

Тоньо (*обращаясь к Луле*). Ола!

Лула. Ола, Тоньо!

Тоньо направляется к себе, Малу намеревается последовать за ним.

Лула (*задерживая ее за руку*). Значит, договорились — сегодня вечером?

Малу. Увидим. (*Уходит за братом.*)

Бола Сэте (*хлопая по заду Линдалву, занятую стиркой*). Все трудисься, негрityяночка?

Линдалва. Твою же рубашку стираю, несчастный.

Бола Сэте (*смеется*). Негрityянка, моя негрityянка, клянусь Сан-Жорже, я еще подарю тебе стиральную машину, как у мадам. Нажмешь кнопочку — белье вылезает выстиранным и выглаженным.

Линдалва. Ты все болтаешь и болтаешь.

Бола Сэте. Самба мулата принесет деньги. Эх, если бы найти такого человека, кто записал бы ее на пластинку!

Линдалва. Пока ничего не вышло?

Бола Сэте. Ходил я сегодня по патефонным фирмам. Им нужна только музыка янки. Но ничего... Наступит денек, и всех их мы отсюда выкинем, вместе с их музыкой.

Внезапно слышатся sireны полицейских машин. Все смотрят туда, откуда доносится шум. Вбегает Бенэ.

Бенэ. Полиция! Полиция!

Линдалва. Бола!..

Бола Сэте. Это тюрьма, негрityянка!

Линдалва. Смотри, сколько машин!

Бола Сэте. Они, видно, собираются оцепить весь квартал. На этот раз хотят настоять на своем! *(Кричит вниз.)* Эй, друзья, готовьтесь! Дело становится серьезным.

Лула. Держитесь спокойно. Главное — не показывать, что их боятся. Иначе будет хуже.

Комиссар *(быстро входит, обращается ко всем)*. Прежде всего знайте, что здание окружено. Пусть ни один осел не вздумает сопротивляться. Со мной двадцать человек, получивших приказ в случае чего пустить в ход дубинки.

Бенэ. Никто ничего не делает...

Комиссар. Я предупреждаю. *(Оглядывается.)* Кто дал вам право захватить постройку?

Бенэ. Президент республики.

Раздается всеобщий хохот.

Комиссар. Я не намерен зубоскалить. Даже если бы сам президент разрешил, все равно вам лучше немедленно убраться. Даю полчаса сроку, чтобы очистить здание.

Лула. Нам некуда идти.

Комиссар. Поищите.

Изабел. У нас есть адвокат, он ведет наше дело.

Лула. Судья вынесет решение. Союз жителей фавел...

Комиссар *(обрывает его)*. Коммунисты...

Линдалва. Священники нам тоже обещали...

Комиссар. Коммунисты, все — коммунисты!

Изабел. Но мы же не можем остаться на улице.

Комиссар. Я здесь не для того, чтобы разводить дискуссию. Ну? Чего вы ждете?

Жустино. М-да, делать нечего. *(Входит в свою «квартиру» и снимает гамак.)*

Первый агент. Эй, вы там, наверху, тоже...

Второй агент. И немедля!

Комиссар. Да, да! Я не собираюсь торчать здесь всю жизнь.

Люди собирают свои пожитки и готовятся уйти, когда входят депутат Деодато Пералва и Манэ Горилла. Депутат с виду молод.

Деодато. Что такое? Что тут случилось?

Комиссар. Мы выселяем этот сброд.

Деодато. Выселяете, а по чьему распоряжению?

Комиссар. Я полицейский комиссар.

Деодато. Но это же насилие, произвол! Вы не имеете права так поступать!

Комиссар. А вы кто такой, чтобы мне указывать, на что я имею право и на что не имею?

Деодато. Я депутат Деодато Пералва. И произвола я не допущу!

Комиссар. Я не могу действовать иначе, ваше превосходительство. Они захватили здание. Устроились так, будто оно им принадлежит.

Деодато. И очень хорошо сделали. Если правительство не разрешает жилищную проблему, народ имеет право решать вопрос доступными ему средствами.

Комиссар. Это опасная теория, ваше превосходительство!

Деодато. Я беру на себя ответственность за эту теорию и ответственность за этих людей.

Комиссар. Ваше превосходительство, я обязан убрать их отсюда!

Горилла. Разве депутат не говорит, что принимает на себя ответственность?

Комиссар (*еще сбавляет тон*). Очень хорошо... очень хорошо... если так... если сеньор берет на себя ответственность... сеньору известно... Давайте... пошли, ребята...

Комиссар и агенты уходят.

Бенэ (*смеется*). Ага, поджали хвосты!

Изабел. Прикусили языки!

Тоньо. Молодец этот депутат!

Рита. Вовремя он появился...

Все окружают Деодато, который принимает изъявления благодарности с торжествующей улыбкой.

Изабел. Приятно было видеть. Если бы не сеньор...

Санта. Да, он депутат...

Рита. Как его имя?

Бола Сэте. Деодато Пералва.

Горилла. Сеньор Деодато всегда был нашим другом — покровителем бедных.

Деодато. И пока я депутат, вы можете на меня рассчитывать.

Лула. Надо положить вещи на место.

Бола Сэте. Да, теперь все на свои места!

Все. Пошли, пошли...

Все оживленно расходятся по своим «квартирам». На первом плане — Деодато и Горилла.

Деодато (*убедившись сначала, что они одни*). Поздравляю, Горилла. Чистая работа.

Горилла. Вы же, сеньор, знаете, что Манэ Горилла маху не даст...

Деодато. Сколько вы обещали агентам?

Горилла. Как договорились. Комиссару, правда, пришлось прибавить. На этот раз он решил поломаться. Но зато хорошо разыграл сцену...

Деодато. Зайдите завтра ко мне в контору, я передам вам деньги. Но надо, чтобы потом вы поработали с этими людьми...

Горилла. Как всегда, вы можете положиться на меня.

Деодато (*обращаясь к обитателям*). Друзья мои, я простой человек, такой же, как и вы.

Кое-кто выходит на площадку послушать его.

Я человек из народа, из небогатой семьи, вырос в скромных условиях, и поэтому я остро ощущаю трагедию, которую вы переживаете. Такова трагедия сотен тысяч людей, трагедия, которая разыгрывается при преступном попустительстве властей. Вы очень хорошо сделали, что захватили эту стройку, сами решив проблему, которую власти не хотят разрешить. (*Делает эффектную паузу.*) Если я буду снова избран на предстоящих выборах, то обязуюсь представить в палату депутатов проект об отчуждении этого здания и передаче его в ваши руки, в руки героических завоевателей!

Линдалва (*не в силах сдержаться*). Вот это здорово!

Бола Сэте. Тс! Помолчи!

Деодато. И больше того: я обещаю вам выхлопотать субсидию, чтобы закончить строительство. Таким образом, все вы будете иметь жилища, достойные людей нашей эры!

Манэ Горилла горячо аплодирует, его поддерживают остальные, лишь Изабел, Лула, Жустино и Бола Сэте воздерживаются.

Деодато. Таково обязательство, которое я, Деодато Пералва, принимаю на себя в настоящий момент, и я его выполняю, если с помощью бога и с вашей помощью снова буду избран депутатом.

Рита (*радостно*). Нам дадут дом, мама?

Тоньо. Этот парень говорит что надо!

Деодато (*обращаясь к Манэ Горилле*). Надо было принести несколько моих портретов и всем раздать.

Горилла. Будьте спокойны, я раздам после. Здесь все голоса гарантированы.

Деодато (*демократическим жестом протягивает руку Тоньо, а затем Жустино*). Можете рассчитывать на меня. (*Пожимает руку Санте, отечески похлопывает Риту по голове и, протягивая руку Малу, замечает ее прозрачную, болезненную красоту*). Вы с севера?

Малу (*утвердительно кивает*). Да...

Деодато. Работаете?

Малу. Почти что поступила.

Деодато. Зайдите ко мне в контору. Возможно, я подыщу вам хорошую работу. (*Вынимает из бумажника визитную карточку*). Вот моя карточка. Можете прийти по этому адресу. Не стесняйтесь. (*Прощается со всеми широким жестом*). До свидания, друзья мои. Рассчитывайте на меня, а я рассчитываю на вас.

Уходит. Манэ Горилла следует за ним, как всегда раскачиваясь на ходу.

Рита (*с любопытством вытягивает шею, разглядывая визитную карточку*). Что там написано?

Малу (*резко*). А! Имя этого человека!

Охваченная неудержимым любопытством, Малу медленно идет, провожая взглядом Деодато. Лула пристально следит за ней, не скрывая чувства ревности. Рита подбегает к сестре.

Изабел. Она воображает, что этот депутат действительно что-нибудь сделает. Ха! Выборными обещаниями я сыта по горло. Всегда это так. До выборов они обещают золотые горы. После выборов... оставляют нас в луже!

Линдалва. Как знать? Если он говорит, что может обеспечить крышу для нас, значит, он может все. Стоит только захотеть.

Жустино. Тот, кто много обещает, своих обещаний не выполняет.

Санта. Однако защитил же он нас от полиции. Даже предложил нам работу.

Жустино (*с сомнением качает головой*). Не знаю.

Слышится шум отъезжающей машины. Малу медленно идет обратно. Лула следит за ней. Бола Сэте в своей «квартире» перебирает струны гитары. Рита прибегает возбужденная.

Рита. Какая у него машина, мама! Прямо шик!

Лула. Это все разговорчики, Малу. Будет тебя водить за нос. (*Пауза*). Неужели ты действительно пойдешь, Малу?

Малу (*почти надменно*). А почему бы и нет? (*Смотрит на карточку и прячет ее на груди*).

Появляется Манэ Горилла. Бола Сэте перестает играть.

Тоньо (*Горилле*). Вы считаете, что он действительно поможет нам?

Горилла. Неужели ты сам не убедился, какой он человек, сеньор Деодато? Более того! Я уже с ним условился — завтра же раздобуду доски, гвозди, могу даже устроить электрическое освещение. Вы представляете себе? Зашить все эти проемы досками, сделать двери, окна... получится здорово. Настоящая квартирка!

Изабел. А потом? Нам придется вносить арендную плату?

Горилла. Черт возьми. Манэ Горилла — тоже сын божий... и помните, там, на холме, вы платили не только за бараки, но также за возможность жить спокойно. За гарантию, что никто не придет оспаривать ваше право на владение участком. За то, что не придется как-

нибудь ночью проснуться из-за поджога барака... Все это обеспечивал я, Манэ Горилла, и я гарантирую это также и здесь... Разумеется, если все ко мне будут относиться как следует.

Лула. А если нет?

Горилла (*улыбается*). Э, тогда я ничего не гарантирую. В конце месяца я приду за взносами с каждого. Существует закон, запрещающий повышать квартирную плату, а я уважаю закон, так что вы будете платить столько же, сколько вносили и на холме.

Жустино. И мы тоже?

Горилла. Будете платить то, что должны были платить там.

Жустино. Но у нас нет денег.

Горилла. Постарайтесь раздобыть. Время для этого у вас есть. (*Бросая двусмысленный взгляд на Малу.*) И, надо сказать, вам это не трудно... Пойду-ка я наверх, предупрежу остальных. (*Идет по направлению к лестнице и встречает Пророка*). А, Пророк тоже здесь... Послушай, твои племянники у меня дома.

Пророк. Я знаю... Господь отблагодарит... Вы, сеньор, добрый человек в этом мире зла.

Горилла. Да, я таков. Где же ты ютишься?

Пророк. Вот там наверху. (*Показывает на свое жилье.*)

Горилла. Хм... я добуду несколько досок, сможешь устроиться, спокойненько...

Пророк. Большое спасибо.

Горилла. Конечно, тебе придется кое-что платить.

Пророк. Арендную плату?

Горилла. Да, столько же, сколько твоя сестра платила на холме.

Пророк. Но у меня... у меня нет...

Горилла. Тогда придется освободить местечко.

Пророк (*умоляющим тоном*). Мне же некуда идти... Вы, сеньор, знаете... у меня нет дохода... Я живу за счет милосердия хороших людей...

Горилла. А почему ты не работаешь?

Пророк. Я работаю, но для господ бога. Он мне доверил благородную миссию на земле: я пророк. Разница между мной и другими людьми состоит в том, что я в силах предвидеть будущее!

Горилла. Так взгляни, каким станет твое будущее, если не добудешь денег на арендную плату...

Хочет уходить, но Пророк хватает его за руку.

Пророк. Подожди! Дай рассказать тебе видение, которое у меня на днях было!..

Горилла (*грубо отталкивает его, и тот, потеряв равновесие, падает на пол*). А... пошел ты к дьяволу со своими видениями!..

Поднимается по лестнице на второй этаж, затем скрывается наверху.
Пророк, растянувшись на полу, что-то изрекает.

Картина четвертая

За полночь. Все спят. Лишь свет луны озаряет контуры стройки. Входят Малу и Лула, останавливаются посреди площадки.

Малу. Ну, ладно... до завтра.
Лула пытается поцеловать ее, она оказывает сопротивление.

Малу. Не надо. Ты что вообразил? Думаешь, я из таких?

Лула. Ну а что тут такого? Никто не увидит. И ты мне нравишься. А разве я тебе не нравлюсь?

М а л у. Нравишься. Но это другое дело.

Л у л а (*обнимает ее*). Все спят. Пойдем туда, за перегородку... там безопасно...

М а л у (*резко*). Нет!

Л у л а (*искренне*). Что за глупость...

М а л у. Я знаю, чего ты хочешь.

Л у л а. Ну и что же? Разве у меня нет серьезных намерений?

М а л у. Я девушка.

Л у л а. Ну и что?

М а л у. Ты женишься на мне?

Л у л а. Я не брошу тебя потом. Ни потом, ни никогда.

М а л у. Ты так рассуждаешь, а у самого ни кола, ни двора.

Л у л а. На четвертом этаже еще есть место. Если бы мы были вместе, я смог бы достать досок, зашить ими стены... Потом мы купили бы подержанную мебель. Я сам бы сделал, мне знакомо столярное ремесло. Получилось бы замечательное жилье, с красивым видом, открывающимся оттуда, сверху...

М а л у. Все мечты. Завтра нас отсюда выгонят.

Л у л а. Если и выгонят, то это им будет дорого стоить. Все готовы бороться до конца.

М а л у. Бороться... ради чего?

Л у л а. У меня есть друг, который говорит, главное не в том, чтобы мы обязательно выиграли, а в том, чтобы осознать свою силу. А этого мы можем достичь только в борьбе.

М а л у. Этот твой друг считает, что мы должны умереть ради кучи мусора?

Л у л а. Считает. И он знает, что говорит. У него есть подготовка и опыт.

М а л у. Опыт чего?

Л у л а. Борьбы. Его уже арестовывали много раз. Арестовывали и избивали в полиции. Вырвали у него усы, волосок за волоском, щипчиками.

М а л у. Почему?

Л у л а. Потому что хотели, чтобы он говорил. А он молчал.

М а л у. А ты был бы способен на это?

Л у л а. Не знаю... ведь никогда не знаешь. Это выявляется в ту минуту.

Но я — не Рафаэл. Я только начинаю понимать многое... Это не легко, потому что... я не учился и... я малограмотен.

М а л у. Боретесь, чтобы здесь остаться, когда нужно бороться за то, чтобы отсюда вырваться.

Л у л а. По крайней мере, тут мы вместе... и если бы ты немного любила меня... если бы представила себе, как представляю я, наше жилье на четвертом этаже... Никто бы больше не прогнал нас отсюда. Даже мертвыми!

Он целует ее. Она нерешительно сопротивляется. Затем резко его отталкивает.

М а л у. Ты не хочешь уйти отсюда, даже мертвым... а я хочу уйти живой.

Л у л а. Но если бы ты была моей, Малу... Я все бы сделал по-другому...

М а л у. Оставь. Мужчины только и думают, как бы положить нас в постель. Если уж выбирать, так по крайней мере того, у кого постель больше и мягче.

Л у л а (*держит ее за руку*). Малу... прости меня. Я сказал это потому... потому что я не могу сдерживаться рядом с тобой! Я не хочу тебя обидеть!

М а л у. Я знаю! С тобой не может быть иначе... должно быть именно так, на ходу... (*Направляется в свою «квартиру»*.)

Л у л а (*пытается удержать ее*). Малу...

Мал у. Спасибо за ужин.

Входит в дом. Лула молча стоит посреди площадки.

Санта (*лежа в постели*). Мал у, это ты?

Мал у. Я, мама.

Санта. Он сводил тебя поесть?

Мал у. Сводил.

Санта. Ну, хоть это хорошо. (*Поворачивается на другой бок и засыпает.*)

Картина пятая

Прошло два месяца. На этажах стройки сбиты из досок боковые перегородки. Светает. Все, кроме Жустино, Санты и Изабел, спят. Звенит будильник в «квартире» Бенэ. Просыпаются Бола Сэте и Линдалва.

Изабел (*готовит завтрак*). Лула! Проснись...

Лула переворачивается на другой бок. Жустино вытаскивает пачку ассигнаций и начинает пересчитывать.

Бола Сэте спускается по лестнице с полотенцем через плечо и выходит направо.

Изабел (*трясет за плечо сына*). Лула!

Лула (*недовольно*). Сейчас, мама. (*Поднимается рывком, берет полотенце и выходит в том же направлении, что и Бола Сэте.*)

Санта (*обращаясь к Жустино*). Ты все пересчитываешь деньги.

Жустино. Да, надеюсь, что их станет больше.

Санта. Много не хватает?

Жустино. Половины.

Санта. В два месяца трудно собрать...

Жустино. Вчера я побывал на автобусной станции Кампо-де-Сан-Кристован...

Санта. Ну и что?

Жустино. Приценялся, сколько стоят билеты.

Санта. Разве не столько же, сколько платили сюда?

Жустино. Цены уже вовсе не те. Намного выше. Говорят, подскочили из-за дороговизны бензина. По крайней мере так сказал мне Горилла.

Санта. Он тоже был там?

Жустино. Угу. Он всегда ожидает прибытия грузовиков с беженцами, чтобы пристроить их, как это было с нами... Просто не дождусь часа, когда можно будет отсюда уехать. Засуха, должно быть, кончилась.

Санта. Вряд ли кончилась.

Жустино (*как бы не расслышав, мечтательно*). Земля покрылась зеленью... И ждет нас, напоенная дождем... ждет, как жена мужа. Хороша земля, Санта! Это лишь мы никуда не годимся.

Тоньо (*проснувшись*). Уже пора?

Жустино. Пожалуй. Ты не опоздаешь к семи? У Мал у еще время есть... (*Замечает, что Мал у нет на матрасе.*) А где же она?

Санта (*притворяясь непонимающей*). Кто?

Жустино. Мал у.

Санта. Она не ночевала дома.

Жустино. Не ночевала? И ты так спокойна, ничего мне не говоришь...

Тоньо. Быть может, с ней что-нибудь случилось?

Санта. Почему же должно что-то случиться?

Жустино. Да потому, что она не пришла домой...

Санта. Наверное, задержалась в конторе.

Жустино. Ночью?

Санта. Ну да, вечером она сказала, что задержится. Ты же знаешь, какая у нее работа. Есть дни, когда она идет в контору только к вечеру, есть дни, когда вообще не ходит... Сеньор Деодато относится к ней очень хорошо, поэтому, когда ему нужно, чтобы она осталась на вечер, Малу не может отказать.

Жустино. И где же она спала?

Санта. Откуда я знаю? У нее есть подруги...

Жустино. Ну, ладно, я не знал, что она будет работать сверхурочно.

Бола Сэте (*возвращаясь с Лулой*). Пошли, Тоньо!

Тоньо. Иду. Подожди меня.

Лула и Бола Сэте идут в свои «квартиры».
Просышается Бенэ.

Бенэ. Который час?

Изабел. Разве время для тебя что-нибудь значит? Десять минут седьмого.

Бенэ потягивается.

Э! Да ты никак встаешь?!

Бенэ (*угрюмо*). Тебе-то что? Никогда не видела?..

Изабел. Нет. Ты, должно быть, заболел, или наступает конец света.

Бенэ. У меня работенка на сегодня. Впрочем, не только на сегодня. Три раза в неделю.

Изабел. Три раза?! Да ты подхватишь чахотку, столько работая!

Бенэ. Пошла ты к черту!

Изабел. И что же это за работа? Меня мучает любопытство.

Бенэ. Буду мыть машину сеньора Деодато.

Лула (*внезапно оборачивается*). Этой сволочи?

Бенэ. Почему сволочи? Он мне будет платить каждый раз сто монет. Паршиво только, что приходится вставать очень рано. Даже когда я был футболистом, играл в команде «Васко де Гама», я не вставал в такое время... (*Берет полотенце и идет умываться.*)

Изабел (*Луле*). Что с тобой происходит?.. Достаточно ему было упомянуть имя сеньора Деодато...

Лула. Все это болтовня. Деодато говорил, дескать, нас здесь не тронут. А вчера я узнал, что судья подпишет бумагу о выселении.

Изабел. Откуда тебе известно?

Лула. Рафаэл сказал. Сведения верные. Вопрос нескольких часов.

Подходит Бола Сэте.

Изабел. Если это распоряжение судьбы, то что поделаешь?

Лула. Нам надо идти в палату депутатов.

Бола Сэте. Тебе или мне?

Лула. Всем. Женщинам. Детям. Чем больше народа, тем лучше. И нужны лозунги. Мы можем написать их тут же. Если все возьмутся за дело, выйдет как по маслу.

Жустино и Тоньо подходят и смотрят с любопытством. Линдалва слушает со второго этажа.

Бола Сэте. Я не понимаю. Зачем мы пойдем к депутатам?

Лула. Протестовать!

Изабел (*недоверчиво*). Это идея твоя или Рафаэла?

Лула. Не важно чья. Если мы сегодня не решимся, завтра будет поздно. Вчера я узнал историю этой постройки... Здесь должны были соорудить государственную больницу. Подряд на строительство был сдан одной частной компании. Однако правительство не выплатило всех денег, и компания прекратила работы. Дело разбирается в министерстве юстиции вот уже три года. Компания хотела бы сдать

здание таким, как оно есть, а власти не принимают: заявляют, что здание не готово.

Тоньо. Ну что ж, если никто из них не захочет оставить себе эту постройку, мы тут останемся.

Бола Сэте. Вот именно!

Лула. Вчера я узнал, что есть люди, мечтающие нагреть на этом руки и приобрести здание за гроши. Так эти люди подкупили судью, чтобы он подписал бумагу на выселение.

Изабел. Мошенники!

Лула. Поэтому-то и нужно действовать!

Входит Бенэ и присоединяется к группе.

Жустино. Как это действовать?

Лула. Всем пойти в палату депутатов. С лозунгами, плакатами. Надо привлечь к себе внимание.

Жустино. Когда пойти? Теперь?

Лула. Нет, не теперь. Палата открывается только в час дня. И нам нужно быть там в полдень.

Тоньо. А работа? Мы же выходим к семи.

Лула. Сегодня никто не должен работать. Неужели вы еще не поняли? Ведь завтра они нагрянут сюда, попытаются выбросить нас на улицу. И тогда с жалобой ничего не выйдет, ведь будет решение судьи! Так что это дело важнее, чем день работы!

Бенэ. Ты просто хочешь заварить кашу. Это все тот Рафаэл вбил тебе в голову.

Лула. У Рафаэла есть опыт в таких делах.

Бенэ. Еще бы! Здесь он не живет. На все ему наплевать, а нас выбросят отсюда. Таких типов я знаю! Они могут только подтолкнуть нас в яму.

Лула (*слова отца глубоко его задевают*). Ты сам не знаешь, что говоришь!

Бенэ (*воинственно*). Это я не знаю?..

Лула. Да! Болтаешь с пьяных глаз!

Бенэ пытается ударить Лулу.

Изабел (*кричит*). Бенэ!

Появляется Манэ Горилла.

Горилла. Э, из-за чего это тут разгорелось?

Бола Сэте. Ничего. Просто шутят.

Все расходятся. Лула остается с Болой Сэте на площадке.

Бенэ (*Изабел*). Он посмел назвать меня пьяницей.

Изабел. Не обращай внимания. Он нервничает, ты же знаешь.

Бенэ. Знаю, и знаю даже почему: увели у него девчонку. А какое мне дело до этого!

Горилла (*подойдя к Жустино*). Я хотел бы с вами поговорить.

Жустино. Со мной? У меня все в порядке...

Горилла. О да, все в порядке по арендной плате. Но остается еще должок.

Жустино. Какой?

Горилла. А вы забыли те доски, что я дал на постройку барака, там, на холме?

Жустино. Но ведь это... осталось там!

Горилла. Ну и что ж, осталось там и пропало. Погребено. А кто возместит мне ущерб?

Бола Сэте и Лула прислушиваются к диалогу.

Жустино. Никто из нас не виноват... Вы, сеньор, хотите... чтобы я заплатил за доски?

Горилла (*уступчиво*). Не за все. Я докажу, что я справедливый человек. Мы разделим убыток по-братски. Доски стоили около двадцати тысяч крузейро. Вы заплатите только десять.

Тоньо. Десять тысяч!

Пытается вскочить с угрожающим видом, но Санта его удерживает.

Жустино. У меня их нет! Вы же знаете.

Горилла (*с улыбкой*). Не платите злом за добро, сеньор Жустино. Я отношусь к вам по-дружески, взыскиваю только половину убытка. А вы хотите меня обмануть...

Жустино. Я не обманываю! У меня нет таких денег!

Горилла. Вчера, на Кампо-де-Сан-Кристован, вы мне сказали, что скопили десять тысяч.

Жустино. Но это на обратные билеты.

Горилла. И вы, сеньор, будучи порядочным человеком, вернетесь в родные края, не расплатившись в Рио с долгами?

Жустино. Но эти деньги... я не могу! Эти деньги я собирал ценою больших жертв. Мы с семьей голодаем, копим по грошу! Это неприкосновенные, священные деньги!..

Горилла (*обрывает его*). Сеньор Жустино, если вы хотите уехать к себе на родину, постарайтесь вернуть сначала долг. Имейте в виду — у меня всюду свои люди. И ни один грузовик не отправится без того, чтобы Манэ Горилла не был оповещен.

Жустино. Я не уеду, не расплатившись.

Горилла. Кроме того, это было бы неблагодарно с вашей стороны. Если бы не я, девчонка не имела бы обеспеченного будущего, какое у нее...

Подмигивает, но Жустино не понимает намека.

Ведь это я привел сюда сеньора Деодато, и потом все устроил... Сеньор Деодато нуждается во мне. Я руковожу предвыборной кампанией в его пользу. Одно мое слово — и конец. А девочке сейчас хорошо... было бы жаль...

Жустино (*испуганно*). До какого срока вы хотите получить деньги?

Горилла. Немедля, сеньор Жустино. Мне сегодня нужны деньги, а у вас они есть. Зачем ждать?

Жустино вытаскивает из кармана пачку банкнот и передает ее Манэ Горилле.

Горилла (*с улыбкой*). Послушайте, дружок, ежели захотите вернуться на север, скажите мне. Я, быть может, устрою вам скидочку.

Жустино. Не надо.

Горилла. Эта услуга мне ничего не стоит. (*Уходит.*)

Санта. Забрал всё?

Жустино. Всё.

Тоньо. Все деньги на билеты!..

Жустино. Я боялся, что он еще повредит Малу.

Лула (*Жустино*). Вы действительно задолжали ему?

Жустино. Откуда я знаю... он говорил о нескольких досках...

Тоньо. Ливнем же все смыло!..

Жустино. Разве он не заставляет нас здесь платить арендную плату только за эти перегородки?

Лула. Это потому, что мы на все покорно соглашаемся. Потому что не протестуем!

Бенэ и Изабел выходят на площадку.

Лула. Нас много, а он один!

Изабел. Он не один, Лула...

Лула. Ерунда, он ведет себя нагло потому, что мы подчиняемся. Хотите? Когда он вернется сюда, скажем, что комитет сопротивления решил: никто ему больше не будет платить.

Бенэ. Но комитет ведь ничего не решал. Это ты решил!

Санта. И кто же из нас это ему скажет?

Бенэ. Не я.

Тоньо. И не я.

Лула. Тогда я скажу.

Бенэ. Так я и считал, что он хочет втянуть нас...

Лула. Не бойтесь. Объединившись, мы можем закрыть путь перед этим типом навсегда!

Бенэ. Ты сам бы убирался отсюда, и поскорее!

Жустино. Вот это правильно!

Санта. Нечего совать нос туда, где тебя не спрашивают!

Бенэ. Если ты не уйдешь, я вызову полицию и заявлю на тебя! На тебя, на Рафаэла и на весь ваш сброд!

Лула. Ну что ж, вызывай. Доноси. Я хоть сразу узнаю, от кого я родился! От труса!

Бенэ одним ударом сбивает Лулу с ног. Лула поднимается и хочет броситься на Бенэ, но Бола Сэте его удерживает.

Изабел. Лула! Это же твой отец!..

Бенэ мгновение колеблется, а затем быстро выходит.
Наступает мертвая тишина.

Бола Сэте. Пошли, Тоньо?

Тоньо. Пойдем.

Берет свой котелок и выходит вместе с Болой Сэте.

Изабел (*подходит к Лулу*). Ты что, не собираешься на работу? Опоздаешь...

Лула. Мне так хочется набить ему морду.

Изабел. Твой отец прав...

Лула (*резко обрывает ее*). Не говори!

С улицы входит Малу, она очень изменилась — ярко подкрашена, одета с явно дурным вкусом. Увидев отца и Лулу, принимает наигранно-беспечный вид.

Малу. Что такое? Что за физиономии?

Жустино. Где ты была?

Малу. Я ночевала у подруги. А вы что, из-за этого?..

Жустино. Почему ты так размалевана? (*Быстро проводит указательным пальцем по губам Малу.*)

Малу. Отец, я уже не ребенок! Свою жизнь я устраиваю, как хочу!

Жустино. Что ж, поступай, как тебе угодно!.. И что же ты собираешься делать? Подхватывать мужчин на улице?

Малу. Я хочу выбраться отсюда — из нищеты!

Жустино. Все мы хотим выбраться. Нет человека, который бы этого не хотел!

Малу. Вы никогда не вылезете...

Жустино. А ты уже нашла способ?

Малу (*после паузы заявляет решительным тоном*). Да. Я сняла квартиру, буду жить одна.

Жустино. Это ты сняла?

Малу. Нет, Деодато.

Жустино (*понимающе*). Деодато? Значит, ты доверилась этому...

Санта. Жустино!

Малу. Он любит меня. Но не может жениться — он уже женат. Для меня он снял квартиру в Копакабане, дает мне все! Он богат! Может одевать меня, как там все одеваются. Я буду всегда сыта, буду спать на настоящей кровати! Мне надоело голодать, жить, как свинья в хлеву! Другие ведь могут устроиться в жизни, а почему

я не могу? А если не выйдет ничего, все равно наплевать... я решилась!

Рита просыпается, полусонная приподнимается в гамаке.

Жустино. Так, значит, вечерняя работа в конторе... вот какая... Потаскуха! Сука!

Наступает на дочь, вот-вот ударит ее, но Санта решительно преграждает ему путь.

Санта. Нет! Нет! Ты ничего с ней не сделаешь!

Жустино. И ты ее еще защищаешь! Значит, ты не поняла, что...

Санта. Все поняла, все! И уже давно!

Жустино (*погрязен*). Уже давно? И молчала?

Санта. У меня было десятеро детей. Трое родились мертвыми. Четверо умерли с голоду... Малу, по крайней мере, не умрет так. У молодого человека есть деньги. Она будет хорошо питаться, одеваться...

Жустино. А честь?

Санта. Наши четверо детей умерли с голоду, умерли с честью.

Жустино сокрушенно склоняет голову.

Санта (*обращается к Малу*). Уходи. Тебе повезло.

Малу целует мать, сестру и хочет обнять отца. Но Жустино отворачивается. Малу выходит на площадку, где встречается с Лулой, который все слышал.

Лула. Малу!..

Она останавливается.

Малу! Не уходи! Ты пожалеешь!..

Внезапно, словно испугавшись, что Лула сможет ее задержать, Малу поворачивается и убегает.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина шестая

Шесть месяцев спустя. «Квартиры» уже имеют окна и двери, сколоченные из неровных обрезков досок и выкрашенные в самые неожиданные цвета. Жилища не выглядят внутри столь пустыми; на первом этаже даже виднеется перегородка, отделяющая угол Риты. Сегодня воскресенье, около полудня. Пророк молится посреди площадки. Изабел, Линдалва, Тоньо, Санта и еще несколько человек внимательно его слушают.

Пророк (*бубнит, закрыв глаза*). Ибо, дражайшие братья мои, еще в библии сказано: Иосиф, коего звали также Варнава, продал свое жилище и деньги раздал апостолам. И так поступили первые христиане, делившие между всеми то, чем они обладали. Никто не называл себя владельцем чего-либо, ибо то, что принадлежало одному, принадлежало и всем.

Входят комиссар и агенты. Они останавливаются поодаль, прислушиваясь к речи Пророка.

И я видел все миры, что составили единый мир! Все страны, что стали одной страной! И все богатства, что образовали одну огромную гору, к которой каждый приходил брать то, что ему нужно, не заботясь о том, чтобы платить, просить или воровать! Так было в моем видении. И если это было так, значит, так оно и будет, потому что я всего-навсего апостол господен. (*Склоняет смиренно голову.*) Это он видит моими глазами. Это он говорит моими устами. Это он указывает путь моею рукой! (*Рука его застывает в воздухе, указывая пальцем неопределенную цель.*)

Комиссар делает знак первому агенту, и тот выходит вперед и хватается за руку Пророка.

Первый агент. Пошли в полицию.
Пророк (*испуганно*). В полицию? Почему?
Первый агент. Нам надо с тобой потолковать.
Комиссар. Рафаэла ты знаешь?
Пророк. Рафаэла? В библии есть...
Комиссар (*резко обрывает его*). Я спрашиваю не о библии. Я хочу
выяснить все о Рафаэле, и ты отлично представляешь себе, кто он
такой.
Пророк. Не ведаю...
Первый агент. Знает, сеньор комиссар. Все они его знают.
Комиссар. Нам нужен Рафаэл, а не ты. Лучше говори начистоту.
Где этот Рафаэл?
Пророк. Не ведаю! Клянусь господом богом нашим, не ведаю!
Изабел. Он действительно не знает.
Тоньо. Он ведь блаженный.
Линдалва. Пророк.
Санта. У него божественный дар!..
Изабел. И никогда никому он не делал зла, бедняжка.
Комиссар. А вы? Вы тоже скажете, что вам неизвестно, кто такой
Рафаэл?

Воцаряется молчание.

Комиссар (*настаивает*). Ну? Отвечайте же! Вам тоже неизвестно,
кто такой Рафаэл?
Изабел. Я как-то слышала о нем, но понятия не имею, где он живет.
Комиссар (*поворачивается к ней, угрожающе*). Так уж и не знаешь?
Изабел (*безбоязненно*). Нет. В глаза его никогда не видела. А если
бы и знала его лично, все равно бы не сказала.
Комиссар. Женскую строптивость мы излечиваем парой тумачков.
(*Оглядывается.*) Значит, никто не знает, где Рафаэл?.. (*Указывает
на Пророка*). Этого заберем. Я уверен, ему известно, где находится
Рафаэл.
Пророк. Вы, сеньоры, ошибаетесь... я ничего не ведаю... не ведаю
даже, о ком вы говорите... я апостол господ...
Изабел. И не стыдно вам забирать такого человека?..
Санта. Грешно, ой как грешно!
Тоньо. Он же явно тронутый!
Комиссар. Сказкам я не верю. Пошли!
Пророк. Господь свидетель, я живу только тем, что передаю людям
его слова.
Комиссар. Да, кое-что я уже слышал из твоей проповеди. Дураков
ты, возможно, и обманываешь, но меня тебе не провести. Добрых
двадцать лет я занимаюсь коммунистами. Пошли!
Пророк. Господи!.. Господи!..

Комиссар и оба агента уводят Пророка.

Линдалва. Бедняга! Его будут бить?
Изабел. Кто знает... От полиции всего можно ждать.
Санта. Но почему?.. Он ведь живет, не ведая ни о чем... прямо не от
мира сего, со своими видениями...
Тоньо. Они ищут Рафаэла. Я знаю почему. Распоряжение о выселе-
нии подписано судьей.
Санта. Уже полгода каждый день говорят об этом. И мы живем точно
между небом и землей.
Изабел. Но на этот раз дело действительно оборачивается плохо.
Сеньор Деодато сказал Бенэ...
Тоньо. Деодато проиграл на выборах и теперь уже не заинтересован
в нас. Поговаривают, что его подкупили.

Линдалва. А что это за бумага, с которой Лула бегал, просил всех подписать?

Санта (*обращаясь к Тоньо*). Не следовало бы тебе ставить свое имя на этом прошении. Сеньор Бенэ вот не подписал. И он говорит, что такая затея до тюрьмы доведет.

Изабел. Все это штуки Рафаэла.

Санта. И вот видишь результат...

Тоньо. Это было ходатайство судье. Чтобы помешать выселению.

Линдалва. Я все же не понимаю, почему забрали именно Пророка.

Санта. Еще увидят они, проклятие падет на их головы. (*Уходит к себе.*)

Линдалва. Какой хороший человек...

Тоньо. Он всех собак съел в науках.

Изабел. Да. Он учился в церковном коллеже. Иной раз что-то говорит на языке, которому там научился. Конечно, он святой человек!

Тоньо. Вы верите в его святость?

Изабел. Верить не верю, но и недоверия не питаю. Религия что футбол: глупо спорить, будет гол или нет...

Линдалва (*обращается к Изабел, остановившись против ее «квартиры»*). Бола Сэте сказал, что Лула будет тренироваться в футбольном клубе, в «Фламенго». Это правда?

Изабел. Он был там сегодня. Бенэ отвел его. Чуть не силой.

Линдалва. Почему?

Изабел. Откуда я знаю. У малого голова сейчас забита не тем.

Линдалва. А что, если «Фламенго» законтрактует его, а?.. Вот это будет штука! Сеньор Бенэ лопнет от радости.

Изабел. И не говори!

Входит Жустино. Идет прямо в свою «квартиру». Линдалва поднимается по лестнице.

Санта. Ну как?..

Жустино. Все в порядке! Грузовик уходит в три часа.

Тоньо. Билеты купил?

Жустино. Купил. Прикинул верно. Осталось всего сто крузейро.

Тоньо. А как же вы будете питаться в дороге? Десять дней пути...

Санта. Устроимся как-нибудь. Ведь нас теперь голько трое — мы с Жустино и Рита.

Жустино. Я опасался столкнуться с Манэ Гориллой.

Тоньо. Теперь опасности нет, у нас на руках оплаченные билеты...

Жустино. Дело не в этом. На билеты я истратил деньги, отложенные на арендную плату за этот месяц. Иначе мы могли бы уехать только в будущем месяце...

Тоньо. Значит, вы уезжаете, не заплатив ему?

Жустино. Единственный выход...

Санта (*с опасением*). Если этот мошенник узнает, он способен...

Тоньо. Не бойся. Не узнает. А когда узнает, вы будете уже далеко.

Санта. А ты?

Тоньо. Я скажу, что и знать не знал. И постараюсь махнуть подальше.

Перетряска в самом деле скоро произойдет. Распоряжение о выселении, уже подписано судьей... Сегодня воскресенье, они ничего не смогут сделать. Но завтра полиция, конечно, явится сюда снова.

Правда, Рафаэл ходил собирать подписи...

Жустино. Я подписал.

Санта. Не надо было.

Тоньо. Один лишь Бенэ не подписал.

Жустино. Настоячивый, черт, этот Рафаэл.

Тоньо. Да, но на этот раз, я думаю, нам все же придется уйти, ничего не поделаешь.

Жустино (*неодобрительно*). А ты действительно остаешься?..

Тоньо. Остаюсь, отец. Не хочу возвращаться.

Жустино. Неужели ты еще не убедился, что тут валится на нас беда за бедой? Для нас, Тоньо, места здесь нет.

Тоньо. Я все же хочу попытаться, отец.

Жустино (*побежденный*). Ладно. В тот день, когда тебе надоест биться об стенку, приезжай, мы будем ждать тебя.

Тоньо. Спасибо, отец.

Жустино (*Санте*). Можем идти.

Санта. Рита...

Жустино. Что с ней?

Санта. Она вышла. Сказала, скоро вернется.

Жустино. Неужели она не знает, что нам нужно отправиться пораньше?

Санта. Знает.

Жустино. Отсюда нет прямого трамвая, часть пути придется пройти пешком...

Тоньо. Я посмотрю, где она. (*Выходит.*)

Линдалва заводит патефон. Слышится мелодия грустной самбы.

Линдалва (*кричит*). Изабел! Знаешь, что самбу Болы Сэте должны выпустить на этих днях? И под его именем, на этот раз все как полагается!

Изабел. Только увидев собственными глазами, поверю.

Жустино (*Санте*). Ты сказала кому-нибудь, что мы едем?

Санта. Нет, не говорила. Ты же сам велел не рассказывать...

Жустино. Так лучше... кто-нибудь мог проговориться этому прохвосту...

Входит Лула, несет пару бутс, бросает их в угол «квартиры».

Изабел. Тренировался?

Лула. Полтайма.

Изабел. Почему только полтайма?

Лула. Этого хватило, чтобы убедиться, что я колченог. Могли убедиться и они, и старик.

Изабел. Где он?

Лула. Идет сюда. По дороге споткнулся о бар — залить горе. Вышло здорово. Теперь он сразу отступится.

Изабел. Ты на самом деле старался?

Лула. Старался, как мог! Клянусь! Играл так, как умел! (*Другим тоном.*) Не для себя, для него.

Входит Бенэ. Линдалва выключает патефон.

Бенэ (*дружески хлопает сына по плечу*). Я не сержусь, Лула. Ты сделал, что мог. Это все от недостаточной физической подготовки. Если бы ты мог тренироваться больше, вести другую жизнь... нормально спать, хорошо питаться... Но это наша общая беда... Никто не может стать спортсменом в Бразилии... работая, как вол, плохо питаюсь, кто может? Когда достигают твоего возраста, все уже измотаны. Тот или другой вылезает наверх... горстка героев! Из тысячи — один, кто-то может стать вторым... вторым после Бенэ!.. Никто не знает, как трудно родиться Бенэ, звезде футбола, в нашей Бразилии... (*Снова кладет руку на плечо сына.*) Не расстраивайся из-за этого.

Лула. А разве я расстраиваюсь? Я доволен тем, что я рабочий.

Бенэ. Рабочий... Этот твой друг Рафаэл утверждает, что пролетариат — класс будущего. (*Саркастически смеется.*) Возможно... (*После паузы.*) Я только хотел, чтобы все они увидели, что Бенэ еще может что-то дать... Это была бы моя месть! Тогда им пришлось бы гово-

ритель со мной, вспомнить обо мне... но вот не вышло... *(Собирается уходить.)* Рабочий... класс будущего... *(Уходит.)*

Изабел. Теперь запьет дня на три.

Лула *(резко)*. Пойду-ка и я выпью немножко. *(Направляется к выходу.)*

Изабел. Смотри будь осторожен, полиция разыскивает Рафаэла. Они были здесь и забрали Пророка.

Лула. Пророка?

Изабел. Да, похоже, что он у них тоже на подозрении. Тебе лучше скрыться.

Лула. Ни в коем случае. Мне надо предупредить Рафаэла.

На пути сталкивается с Ритой, которая входит вместе с Тоньо.

Жустино *(Рите)*. Мы тебя ждем...

Санта. Где ты была?

Рита *(колеблется какое-то мгновение, как бы набираясь мужества)*.

Я ходила... ходила узнать о работе.

Санта. О работе?! Зачем!

Жустино. Мы же уезжаем сейчас, после обеда. Я купил билеты.

Рита. Я не хочу уезжать. Я хочу остаться.

Санта. Ты что, рехнулась, девочка?

Рита. Я устроилась на место в семейном доме. И должна приступить к работе сегодня же.

Санта. Какое место?

Рита. Няньки.

Жустино *(гневно)*. Неужели ты ничего не понимаешь?

Рита *(смело)*. Мне пятнадцать лет, отец... я уже могу сама зарабатывать себе на жизнь!

Жустино растерянно смолкает.

Санта. Но ты не можешь оставаться здесь одна!

Рита. Я остаюсь не одна. У меня есть Малу...

Жустино *(обрывает ее)*. Не говори мне о ней!..

Рита. И Тоньо.

Тоньо. Если она действительно хочет остаться, пусть. Я приглашу за ней.

Санта *(колеблется)*. Эта работа...

Рита. Жилье и еда, платят жалованье.

Санта. Приступаешь сегодня?

Рита. Я пришла за вещами.

Жустино. Значит, ты подготовилась заранее?

Санта обменивается взглядом с Жустино. Взгляд ее полон печали, тоски, мольбы, бессилия и покорности.

Жустино. Ну что ж... поедem одни... *(Берет котомку. Обращается к Тоньо.)* Ты поможешь нам отнести вещи до трамвая?

Тоньо. Конечно помогу...

Рита. Вы уже уходите?

Жустино. Да. Отсюда далеко...

Рита. Но у вас еще есть время. Могли бы не торопиться.

Жустино. Зачем?

Появляется Малу.

Тоньо. Смотрите... Малу!

Жустино подчеркнуто холоден. Санта не скрывает своей радости.

Санта *(тихо)*. Слава богу!

Малу. Я пришла проститься с вами...

Жустино. Откуда ты узнала?

Малу. Мне сказала Рита.

Рита опускает голову под осуждающим взглядом отца.

Санта. Это хорошо, очень хорошо, что ты пришла. Я не могла бы уехать спокойно...

Малу. Кончилась засуха, отец?

Жустино. Кончилась.

Малу. Жалко, что я не могу поехать с вами.

Санта. Ты хорошо себя чувствуешь?

Малу. Очень! У меня все есть. Комнатка — прямо красота...

Рита. Прелесть, мама! *(Тут же спохватывается, что энтузиазм выдает ее.)*

Малу. Рита знает.

Санта. А он... хорошо относится к тебе?

Малу. Он меня безумно любит. Мне повезло, мама. Поверь. Он говорил даже о том, чтобы пожениться...

Санта. Жениться? Как это можно? Разве он не женат?

Малу. Ну, это бедняк женится только раз. Богатый может жениться столько раз, сколько ему заблагорассудится.

Тоньо. При живой жене?

Малу. Ну и что ж! Это даже модно!

Санта. Ты, по крайней мере, хоть выбралась...

Жустино. Пошли. А то опоздаем.

Малу. Рита не едет?

Санта. Нет. Она устроилась на работу, хочет остаться. Приглядывай за ней.

Рита *(целуя руку отца)*. Благослови, папа.

Жустино. Господь тебя благословит.

Малу повторяет жест сестры, сопротивление Жустино, похоже, сломлено.

Твоя мать права. Во всем. А может быть, это я сразу сдался.

Уходит несколько поспешно, чтобы не уступить еще больше. Санта и Тоньо следуют за ним, гасят узлы и котомки. На площадке их останавливает Изабел.

Изабел. Куда это вы?

Санта. Уезжаем.

Изабел. Совсем?

Санта. Совсем.

Изабел. Так неожиданно. Ничего не говорили...

Санта *(озабоченно)*. Не поднимайте шума... Тоньо объяснит потом... *(Поспешно уходит в сопровождении Тоньо)*.

Изабел *(проводя уходящих любопытным взглядом)*. Эти грузовики... когда они прибывают, кажется, что приехали беженцы... Когда же люди возвращаются, тоже кажется, что это беженцы... Беженцы мы на этом свете...

Малу. Они не сердились, что ты осталась?

Рита. Сердились. Но мне какое дело? Я имею право на собственную жизнь. Скажи, сеньор Деодато действительно собирается на тебе жениться?

Малу. Нет. Он примерно с месяц как меня бросил.

Рита *(с наивным любопытством)*. Почему?

Малу. Видать, я ему надоела.

Рита. И что же теперь?..

Малу. Теперь надо найти другого, пока не надоем и ему. *(Сменив тон.)* Ты еще дитя, тебе не понять этого...

Рита *(высокомерно вскидывает голову)*. Это ты так считаешь, что я ребенок. Я отлично все понимаю.

Из глубины сцены входит Лула, которого будто кто-то известил о приходе Малу. Они встречаются на площадке.

Малу. Ола!

Лула. Ты здесь...

Малу. Я зашла попрощаться со стариками.

Лула. Я видел, как они тащили узлы. Они уезжают?

Малу. Возвращаются на север.

Лула. А ты?

Малу. Я остаюсь.

Лула. Ты остаешься... здесь?

Малу. Нет. У меня квартира.

Лула (*после долгой паузы*). Ты счастлива?

Малу. Что значит счастлива? Теперь я ем каждый день. У меня своя постель, неплохие платья...

Лула. Жизнь не может быть только такой.

Малу. Что же еще?

Лула. Надо желать большего... Нам нужно бороться во имя чего-то. Пусть хотя бы... за барак, в котором живешь... за деньги, что зарабатываешь... или за человека, которого любишь. Но бороться, не продаваясь, не изменяя себе... и не изменяя тем, кто с нами.

Малу. Все это очень красиво. Но прежде всего нам нужно есть сегодня и знать, что мы будем есть завтра.

Лула. Жаль, ты не можешь понять... и я не умею объяснить. Я мало учился. Если бы я был таким, как Рафаэл, — он прочитал много книг, умеет говорить...

Малу. Ты когда-нибудь спал на мягком матрасе?

Лула. Нет...

Малу. В тот день, когда ты будешь на нем спать, ты поймешь, что мягкий матрас приносит гораздо больше пользы, чем красивые слова... хотя бы твоего друга...

Входит Манэ Горилла. Как Малу, так и Лула встречают его довольно холодно.

Горилла (*увидев Малу*). Ола!.. Вернулась сюда снова?

Малу. Нет. Я зашла по дороге.

Горилла. А... я понял, что сеньор не оставил девушку без чулок...

Лула (*понимает, смотрит вопросительно на Малу*). Малу, он...

Малу (*Горилле*). Вы ошибаетесь. У меня не осталось от него ни гроша.

Горилла. Это глупо. Тебе надо было потребовать. Ты имела право на компенсацию. В конце концов, ты ведь кое-что потеряла... а он не потерял ничего. Если не считать выборов, но ты к этому не имеешь никакого отношения. И все было бы очень легко... Достаточно пригрозить скандальчиком... Политический деятель всегда боится скандалов, разоблачений...

Малу. Я не из таких, что устраивают скандалы.

Горилла (*смеется*). Хм... с такой щепетильностью, дочь моя, ты никогда не сделаешь карьеры. (*Поднимается на верхние этажи.*)

Лула (*хватает Малу за плечи*). Малу... я думаю, тебе теперь ясно, что я хотел сказать. Не нужно больше ничего объяснять... Ты, наверное, поняла... жизнь тебя, наверное, научила...

Малу. Я многое узнала за эти полгода. Но что ты хочешь сказать?

Лула. Я хочу сказать, что несмотря на все... если ты захочешь переменить жизнь... я все еще тебя люблю! (*Другим тоном.*) Я знаю, что будут говорить... что ты уже принадлежала другому, что мне досталось... это неважно. Если ты захочешь, все это не имеет значения.

Малу. Нет, Лула. Сейчас уже ничего не получится.

Лула. Почему? Неужели ты все еще любишь этого типа?

Малу. Я его ненавижу. Он отвратителен.

Лула. Тогда что же?

Мал у. А кто я? Обьедки с чужого стола... А у еды, сделанной для другого, не тот вкус, который бы нам нравился.

Лула. Я не хотел тебя обидеть...

Мал у. Я знаю. Но уже ничего не получится. Я не хочу обманывать тебя. Здешняя жизнь... Я больше никогда с ней не примирюсь... я уже от нее отвыкла...

Лула. Наша жизнь не всегда будет такой. Будет день — и она изменится!

Сверху спускается Манэ Горилла, останавливается перед «квартирой» Жустино.

Мал у. Но это еще не скоро... а жизнь коротка. Я могу умереть завтра... какой мне интерес, что когда-то все переменится, если я не смогу этим воспользоваться?

Появляется Тоньо. Увидев Манэ Гориллу, отшатывается.

Тоньо. Кого вы там ищете?

Горилла. Где твой отец?

Тоньо. Ушел.

Горилла. А твоя мать?

Тоньо. Тоже.

Горилла. Я слышал, что вы собираетесь вернуться на север.

Тоньо. Никто не собирается.

Горилла. Мне передавали. Подтвердили, что уже сидите на чемоданах...

Тоньо. Тот, кто это сказал, брешет.

Горилла. Я хотел лишь напомнить, что срок взноса истекает завтра. Если вы вздумаете удрать, не заплатив...

Тоньо. Никто этого не сделает.

Горилла. Да, но ваше поведение мне что-то не нравится. У всех такой вид, точно вы хотите меня провести за нос. *(Идет к двери «квартиры» и заглядывает внутрь.)* Э, да здесь почти ничего нет... *(Резко обернувшись.)* Они уехали?

Мал у. И вы ничего не сделаете.

Тоньо. Они собирались заплатить вам до отъезда, но денег не хватило.

Горилла. Ага, денег не хватило... так решили подставить ножку Манэ Горилле? Решили удрать, а завтра, когда я, болван, пришел бы сюда...

Мал у. Им не хватало денег. У вас их достаточно...

Горилла. Как это достаточно? Моя жизнь тяжела! Я работаю в поте лица своего! И учтите, я зарабатываю только на том, что делаю добро. Поэтому я не люблю, когда мне за добро платят злом. *(Смотрит на часы.)* В котором часу они отправляются?

Лула. Что вы собираетесь сделать?

Горилла *(иронически)*. Ничего... проститься с ними, пожелать им счастливого пути...

Тоньо. Если это из-за денег, то как-нибудь я уплачу. У меня сейчас нет денег. Но я остаюсь. Я не еду...

Горилла. Когда-нибудь... да, когда-нибудь тебе будет нужно платить... но им придется заплатить сегодня же.

Мал у *(умоляюще)*. Дайте им уехать! Они ни о чем другом не думали с тех пор, как оказались здесь! Скопили немного денег ценою всяких жертв! Собирали по грошу!.. Недоедая... лишая себя всего!

Лула. Тоньо же сказал, что уплатит...

Горилла. Дело не только в этом. Другой тоже хотел меня надуть.

Мал у. Кто другой?

Горилла. Шофер грузовика. Когда едут мои люди, он должен платить мне комиссионные. А он промолчал. Оба сговорились подставить мне ножку. *(Снова смотрит на часы.)* Однако дело, очевидно, обернется по-иному...

Собирается уйти. Тоньо его удерживает.

Тоньо. Вы не помешаете им уехать!

Горилла. Это будет зависеть больше от них, чем от меня. Сначала мы рассчитаемся.

Отстраняет Тоньо резким жестом и уходит. Тоньо внезапно бросается внутрь дома, хватая нож и выбегает в том же направлении, куда скрылся Манэ Горилла.

Малу *(предчувствуя трагедию, кричит)*. Тоньо! Нет, Тоньо! Остановись! Тоньо!

Проходит несколько секунд. Возвращается Манэ Горилла, шатаясь, обеими руками держась за живот, глаза вытаращены. С трудом добредает до середины площадки, какое-то мгновение еще стоит на ногах — и падает навзничь. Тоньо следует за ним, все еще с ножом в руке, он напуган тем, что только что сделал. Наступает мертвая тишина. Малу, Лула, Изабел и Тоньо со страхом смотрят на труп Манэ Гориллы.

Изабел. Пресвятая богородица!

Линдалва *(со второго этажа)*. Никак это Манэ Горилла?!

Изабел *(обращается к Тоньо)*. Парень... ты пропал!

Малу *(обнимая брата)*. Тоньо!

Линдалва. Он мертв?! Убили Манэ Гориллу!

Голоса за сценой. Убили Манэ Гориллу?

Другой голос. Да, убили Гориллу!

Со всех сторон начинают появляться жильцы дома, люди не верят своим глазам.

Изабел *(единственная набралась мужества подойти ближе к телу)*.

Он и впрямь мертв. Не будь я трусихой, еще плюнула бы на него.

Малу. Как же теперь, Тоньо?! Что будет?

Изабел. Полиция вот-вот появится!.. Они быстро чуют покойника.

Лула. Попробуй убежать. Главное, чтобы не захватили на месте!..

Тоньо *(ошеломленный)*. Бежать, куда?!

Лула. Заберись в трущобы на холмах, там никто тебя не найдет!

Появляется Бола Сэте. В его вытянутой руке пластинка, он вне себя от радости.

Бола Сэте *(размахивая пластинкой, кричит)*. Друзья! Вот она! Кто не верил, вот она! *(Его радость столь велика, что он не замечает тела Манэ Гориллы. Кричит Линдалве, стоящей на втором этаже.)*

Смотри, негритяночка!... Прямо из-под пресса!.. Свеженькая!... Я получил первую!.. *(Бегом взлетает по лестнице, его радостное возбуждение парализует всех, включая Тоньо.)* Я хочу, чтобы вы все, все увидели... имя автора самбы на пластинке!.. Впервые!.. Напечатанное полностью, как требуется!.. Ориовалдо Сантос!.. Вот кто я!.. *(Ставит пластинку.)* Вы сейчас услышите... первыми!..

Линдалва. Нет...

Бола Сэте. Почему нет?! Запись замечательная, негритяночка!

Патефон начинает играть самбу.

Танцуй, негритяночка! Танцуй! Самба — твоя! Ты меня вдохновила создать эту самбу! *(Начинает танцевать, делая различные па перед Линдалвой, которая нервно смеется.)*

Входят агенты.

Малу *(тихо)*. Ну, вот и все!..

Все стараются встать между агентами и трупом, загоразивая его.

Первый агент (*недоверчиво*). Что здесь такое?

Второй агент. Чего это вы все собрались?..

Лула. Ничего не произошло! Это новая самба Болы Сэте! Ее записали на пластинку! Впервые с его именем и со всем, что полагается! Разве не слышите?

Агенты прислушиваются к самбе, поглядывая на «квартиру» Болы Сэте, который, как одержимый, танцует с Линдалвой.

Бола Сэте. Растем, негрityночка, растем!

Линдалва (*все еще смеясь*). Дай бог! Дай бог!

Один за другим все обитатели принимаются танцевать. Вначале нерешительно, робко, только для того, чтобы обмануть агентов. Потом с большим пылом, захваченные бурным ритмом самбы.

Изабел (*говорит тихо Тоньо*). Быстрее, парень!.. Пользуйся моментом!..

Тоньо. Малу!..

Малу. Беги!..

Тоньо исчезает. Продолжая танцевать самбу, все выстраиваются плотной стеной, чтобы он скрылся незаметно от агентов.

Бенэ (*немного подвыпивший, появляется из глубины сцены с бутылкой водки в руке, кричит*). Э-эй, друзья! Мы выиграли!

Лула. Что?

Бенэ. Выселение!.. Судья повернул вспять, когда увидел подписной лист! Заявил, что он не знал, сколько здесь живет народа!.. Ему сказали, что тут лишь полдюжины бродяг...

Лула (*сияюще*). Разве я вам не говорил?

Изабел. И что же теперь?

Лула. Теперь никто нас отсюда не выгонит!

Бенэ. А знаете, кто сообщил новость? Рафаэл!

Лула. Рафаэл?!

Бенэ. Он идет сюда... Сейчас придет к нам... Он, оказывается, неплохой парень, этот Рафаэл...

Лула. Малу, Рафаэл идет сюда!

Рита появляется в дверях своей «квартиры». Накрашенная, на высоких каблуках, она кажется преждевременно созревшей. Малу и Лула, увидев ее, удивлены. Взволнованная Малу хочет последовать за сестрой, но Лула удерживает ее за руку.

Лула. Малу!..

Малу. Ничего не получится, Лула...

Лула. Подожди, по крайней мере подожди Рафаэла! Он идет сюда!

Подождем его! Только для того, чтобы ты узнала...

Малу (*колеблется мгновение и наконец уступает*). Хорошо, разве только чтобы узнать...

Агенты наконец замечают тело Манэ Гориллы. Склоняются над ним, убеждают, что он мертв, и озираются вокруг. Но за исключением Малу и Лулы, все остальные танцуют, не обращая никакого внимания на полицейских, словно в состоянии подлинного иступления. Как будто перед безжизненным телом Манэ Гориллы они, люди «дна» Рио-де-Жанейро, почувствовали себя в какой-то мере отмщенными по отношению ко всем манэ гориллам.

